

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.5

Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889—1913 гг.: русификация vs коренизация, элитарность vs демократизация

Игорь Иванович Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, i.verniaev@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1540-381X>

Аннотация. В статье исследуется динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, его этноконфессиональных, сословных, профессионально-образовательных характеристик. Изучается уровень представительства национальных групп в мировой юстиции и более широком судебно-правовом сообществе (канцелярия судов, нотариат, адвокатура и пр.). Исследуются профессиональные биографии судей. Ставится вопрос об их мировоззрении и идентичности — о том, в какой степени для них были важны ценности и интересы этнического сообщества, профессиональной корпорации, имперской власти в крае или др. Сделан вывод о том, что кадровая русификация сочеталась с немецким сословно-элитным влиянием и постепенной латышской и эстонской коренизацией институтов имперской юстиции — начиная с нижних, средних и периферийных служебных позиций. Пореформенные институты, с одной стороны, унаследовали региональное этносословное разделение, с другой — открыли пути для его преодоления. Формирование профессиональной государственной бюрократии и развитие образования создавали для представителей прежде неэлитных групп более широкие возможности для служебного продвижения. Исследование опирается на разнообразные источники: ведомственные списки, персональные дела, данные министерских ревизий, мемуарную литературу, материалы периодики.

Ключевые слова: Российская империя, Прибалтийский край, судебная реформа, мировая юстиция, кадровый состав, русификация, коренизация, этноконфессиональное разнообразие.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00353.

Для цитирования: Верняев И. И. Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889—1913 гг.: русификация vs коренизация, элитарность vs демократизация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 61—93. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/5_45_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.5.

Original article

Changes in the Staff of the Imperial Justice of the Peace in the Baltic Region, 1889—1913: Russification vs Indigenization, Elitism vs Democratization

Igor I. Verniaev

Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia, i.verniaev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1540-381X>

Abstract. The article examines the dynamics of the personnel of the Imperial Justice of the Peace in the Baltic region of the Russian Empire, its ethno-confessional, educational characteristics. The level of representation of national groups in Justice of the Peace and the wider judicial and legal community (court offices, notaries,

© Верняев И. И., 2023

advocacy, etc.) is being studied. Professional biographies of judges are being researched. The question is raised about their worldview and identity, about the extent to which the values and interests of the ethnic community, professional corporation, imperial power in the region, etc. were important to them. It is concluded that personnel Russification was combined with German elite-estate influence and gradual Latvian and Estonian indigenization of the institutions of imperial justice — starting from the lower, middle and peripheral official positions. The post-reform institutions, on the one hand, inherited the regional ethno-estate division, on the other hand, opened the way for overcoming it. The formation of a professional state bureaucracy and the development of education created wider opportunities for representatives of previously non-elite groups for career advancement. The study relies on a variety of sources: departmental lists, personal files, data from ministerial audits, memoirs, and periodicals.

Keywords: Russian Empire, Baltic region, judicial reform, Justice of the Peace, personnel, Russification, indigenization, ethno-confessional diversity.

Acknowledgments. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-00353.

For citation: Verniaev I. I. Changes in the Staff of the Imperial Justice of the Peace in the Baltic Region, 1889—1913: Russification vs Indigenization, Elitism vs Democratization. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 1 (45), pp. 61—93. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.45.5>.

Введение

Реформы в поздней Российской империи, начиная с 1860-х гг., означали более или менее последовательный переход от преимущественно косвенного управления через посредство элитных корпораций к прямому — через посредство ведомственных бюрократических институтов. На окраинах империи этот процесс был осложнен полиэтничностью населения и нередко наложением этнических и сословных линий разделения. В сфере юстиции данный переход заключался в более или менее полной замене преимущественно сословной судебной системы, контролируемой местными элитами, государственной юстицией. Внедрение институтов имперской юстиции на окраинах порождало ряд специфических вопросов относительно их устройства, кадрового обеспечения, способов коммуникации с местным поликультурным по составу населением, интеграции используемых правовых систем, способов сопряжения государственного суда и сохраняемых институтов сословно-общественной юстиции. В Прибалтийском крае, где судебная реформа была проведена в 1889 г., в силу особенностей этносословного устройства и сохраняющейся автономии в сфере гражданского права эти вопросы стояли особенно остро. Кто должен стать судьями в новых судах? Должны ли судьями быть местные уроженцы или назначенцы, присланные из других регионов? Как сочетать юридический профессионализм судейских кадров с хорошим знанием местного контекста? Следует ли избирать судей, назначать или применять какую-то гибридную систему? Какие цензовые требования предъявлять к судейским кадрам? Как сочетать в новой судебной практике местные кодексы и обычное право с имперским законодательством? Как сочетать государственный и местные языки в судопроизводстве? Как преодолевать языковые барьеры в судебных процессах? На разрешение этих вопросов, официальную и неофициальную практику функционирования новых государственных институтов большое влияние оказывала и реакция местных сообществ. Она могла быть разной — от неприятия и противодействия до надежд на позитивные перемены, стремления использовать эти институты для достижения местными сообществами и их представителями собственных целей, учета своих интересов, реализации новых карьерных возможностей.

В историографической традиции проблематика перехода в позднеимперский период к прямому управлению и, в частности, внедрения имперских институтов юстиции осмысливается, как правило, в рамках понятия русификации, в том числе «административной русификации».

Советский специалист по истории имперского управления П. А. Зайончковский в своей статье 1972 г. на основании материалов ревизии Н. А. Манасеина 1882—1883 гг. и отчетов губернаторов 1880-х гг. обобщил данные о дореформенной судебной-полицейской системе прибалтийских губерний, охарактеризовал положение почти полного контроля над ней немецких сословных дворянских и городских корпораций и очень слабое влияние на ее кадровый состав имперских властей. Реформы, призванные усилить правительственное начало в управлении краем, проходили под эгидой политики русификации Александра III. Исследователь обобщил основные особенности устройства новых полицейских и судебных институтов. Основным выводом состоял в том, что судебная и административно-полицейская реформы ослабили зависимость местного сельского населения от немецкого дворянства и одновременно усилили роль центральной государственной власти. Анализа адаптации новых институтов в крае, динамики их кадрового состава в пореформенный период исследователь не осуществил [12].

К изучению кадрового состава чиновничества прибалтийских губерний после 1905 г. обратился в 1978 г. немецкий исследователь М. Хаген. Анализируя ряд списков с данными о чиновниках разных ведомств 1906—1910 гг., он сделал вывод о том, что в этот период усилилась русификация кадрового состава чиновничества. При этом она была неразрывно связана с «демократизацией», т.е. существенным увеличением среди чиновников лиц крестьянского и мещанского происхождения — выходцев из русских губерний, для которых на имперских окраинах, в том числе в Прибалтийском крае, в силу кадровых ограничений для представителей местных сообществ открывались более широкие, чем в центре, карьерные возможности. Процессы кадровой русификации чиновничества в крае были основаны на директивах центральной власти, а «демократизация» кадров стала по факту (вне зависимости от того, являлось ли это осознанной установкой) одним из ключевых инструментов достижения цели [46].

Американские историки М. Халтцель, А. Плаканс и Т. Раун в своих публикациях в рамках сборника 1981 г. под редакцией Э. Тадена исследовали изменения в прибалтийских губерниях в конце XIX — начале XX века в рамках концепции административной и культурной русификации [47; 50; 51]. М. Халтцель пришел к выводу, что влияние политики русификации на немецкую этносословную элиту края было неоднозначным. В наибольшей степени немцам удалось сохранить элементы статуса-кво в сфере экономики (в частности, в широком спектре профессиональных и хозяйственных ниш), религии, образования, корпоративных институтов и идентичности. Напротив, в административной и судебной сферах русификация и тесно связанная с ней модернизация имели существенно большие успехи, подорвав контроль немецких корпораций края. Часть ответственности за утрату прерогатив в этих сферах автор возлагает и на самих остзейцев, которые не смогли своевременно мобилизоваться и использовать благоприятные «окна возможностей». Ограниченность выводов исследователя заключается в том, что он не ставит и не исследует вопрос о том, в какой мере и каким путем немецкие элиты края сохраняли представительство и влияние в пореформенных институтах, в том числе в новой имперской юстиции края.

А. Плаканс и Т. Раун исследовали воздействие политики административной и культурной русификации на латышей и эстонцев, национальные движения этих народов. Преобразование оказали позитивное влияние на коренное население края: ослабив доминирование немецкой элиты края, они расширили возможности для социальной мобильности и национальной консолидации латышей и эстонцев. Реформированные по имперскому образцу институты сельского и городского самоуправления стали важным инструментом организационно-политической интеграции, выдвижения национальных лидеров этих на-

родов. Имперские институты были одновременно и инструментами административной русификации, и по факту отчасти инфраструктурой и контекстом национального строительства коренных народов края. Карьера в имперских структурах и вообще восходящая социальная мобильность уже не означали обязательной смены национальности. Некоторые представители коренных народов, занимая чиновные позиции в имперских институтах, в то же время являлись активистами и лидерами национального строительства. Негативными сторонами административной русификации для коренных народов края была ее незавершенность (земства не были введены, сохранился ряд прерогатив немецкой элиты), ограниченность их представительства в институтах управления, официальное недопущение латышского и эстонского языков в административной и судебной сферах. Отчасти выполнив позитивную функцию для национального развития эстонцев и латышей, в дальнейшем (главным образом после революционных событий 1905—1906 гг.) система административной русификации стала восприниматься лидерами и широкими кругами национальных движений уже как препятствие на дальнейшем пути к автономии и независимости. Что касается мер культурной русификации (язык, образование, религия), то они хотя и наносили определенный ущерб национальной культуре, но были запоздалыми и не стали непреодолимым препятствием, не остановили процессы формирования национальных культур, языков и организаций. Специального внимания участием эстонцев и латышей в реформированной судебной системе края исследователи не уделили.

Американский историк Б. Вудворт рассматривал динамику этнического состава государственной бюрократии Прибалтийского края с начала 1880-х гг. до Первой мировой войны [52]. Отмечая противоречивость воздействия реформ и неразрывно связанной с ними политики русификации, Вудворт приходит к выводу, что представители коренных народов края (он исследует главным образом эстонцев) стали участвовать в несопоставимо большей, чем прежде, степени в институтах общественной жизни, начиная с уровня волости и заканчивая структурами имперской губернской администрации. То, что в историографии известно как политика «русификации» 1880-х — 1905 г., отмечает исследователь, сопровождалось в Прибалтийском крае процессами «эстонизации» и «латышизации» гражданской и административной сфер жизни. Корпус государственных служащих становился более этнически разнообразным по составу. В Эстляндской губернии, по данным Вудворта, число государственных чиновников-эстонцев в период с 1881 по 1897 г. выросло с 15,6 до 52,3% (по большей части на должностях низшего и среднего уровня). Участие в имперской администрации, констатирует историк, было наряду с национальным пробуждением важной и неотъемлемой частью реакции эстонцев на модернизацию. Приводятся примеры эстонцев, которые сочетали работу в имперской администрации с деятельностью на ниве национального возрождения. Вудворт ставит вопрос о необходимости более детального исследования малоизученной группы имперских чиновников-эстонцев, их отношений с собственным национальным сообществом и представителями других национальностей в составе становящейся все более полиэтнической бюрократии, их взглядов на службу, империю, национальное развитие своего народа. Но уже сейчас, по мнению Вудворта, можно сделать вывод о том, что в позднеимперский период все большая доля взаимодействий между эстонским сельским и городским населением и государственной бюрократией в действительности являлась взаимодействием между эстонцами, а не между эстонцем и остзейским немцем или русским. Исследование становления полиэтнической бюрократии в регионе в результате административных реформ помогает осмыслить позднеимперский период не только как историю конфронтации национальных групп, но и как процесс постепенного формирования гражданской идентичности.

Немецкий историк К. Брюггеманн в своей статье, посвященной различным проектам имперской политики в Прибалтийском крае в конце XIX — начале XX века, показал, что идеи и практики радикальной русификации, прямолинейного применения общеимперских принципов интеграции и унификации в специфическом региональном контексте вели к непреодолимым противоречиям [45]. Традиционный сословный принцип лояльности противоречил новому национальному. Русский национальный проект противоречил активно развивающимся национальным проектам общин региона. В то же время дефицит кадровых и материальных ресурсов, которыми располагала империя, накладывал серьезные ограничения на политику русификации. В результате после ряда экспериментов имперские власти в регионе вернулись по большей части к достаточно прагматичной политике балансирования между различными национальными и социальными силами. Это балансирование нашло отражение и в кадровой политике — обеспечении по факту представительства как интересов имперского центра (через назначенных русских чиновников), так и интересов местных немецких, латышских и эстонских сообществ (в лице их представителей в различных сферах и на разных уровнях местного управления).

Российский историк Б. Н. Миронов проанализировал результаты политики русификации на общеимперском уровне [49]. Основным критерием оценки результатов стало изменение среди нерусских меньшинств империи доли лиц с русским как родным языком. Используя когортный анализ данных переписи 1897 г., историк пришел к выводу о том, что политика русификации как языковая и культурная ассимиляция не увенчалась успехом. Русификация административная, понимаемая как управленческая и судебно-правовая стандартизация, имела больше достижений, но и она была ограничена по результатам, что выражалось, например, в сохранении до конца империи разнотипного конгломерата низших судов с их обычным и конфессиональным правом. Для более последовательной административно-правовой и культурной русификации у имперского центра не было достаточно ресурсов. Кроме того, она встречала нарастающее сопротивление национальных меньшинств империи.

Если более общие вопросы относительно динамики, целей, противоречий и результатов имперской модернизации и интеграции Прибалтийского края поставлены и обсуждены, то многие детали остаются неисследованными. Это относится и к судебным реформам, формированию новых институтов и корпуса имперской юстиции в крае.

В настоящей статье исследуется динамика кадрового состава различных составных частей пореформенной судебно-правовой корпорации прибалтийских губерний, его этноконфессиональные, сословные, профессионально-образовательные характеристики и их изменения. Статистический анализ динамики кадрового состава сочетается с изучением персональных карьер. Изучается уровень представительства различных национальных групп края в новом судебном корпусе и более широком судебно-правовом сообществе (канцелярии судов, нотариат, адвокатура и пр.). Ставится вопрос о мировоззрении и идентичности судей — о том, в какой степени для них были важны ценности и интересы этнического сообщества, профессиональной корпорации, имперской миссии в крае или др.

Исследование опирается на разнообразные источники: ведомственные списки, персональные дела, данные министерских ревизий, мемуарную литературу, материалы периодики.

Результаты исследования

Судебная реформа в Прибалтийском крае, введенная Положением от 9 июля 1889 г., реализовывалась в целом по модели Судебных Уставов 1864 г. [20], но с рядом важных отступлений. Своеобразен был, в частности, порядок назначения на должности мировых судей. В соответствии с Положением 1889 г., мировые судьи и председатели съездов на-

значались министром юстиции из числа местных жителей, удовлетворяющих возрастному (25 лет и старше), имущественному (недвижимость в одной из Прибалтийских губерний) и образовательному цензу (высшее юридическое образование или длительный опыт работы в судебных учреждениях). Ключевое значение имело также владение кандидатом русским языком. В соответствии с Положением, письменное и устное судопроизводство в новых судебных учреждениях прибалтийских губерний осуществлялось на русском языке. В случае незнания участниками процесса и поверенными русского языка мировой судья взаимодействовал с ними через переводчика. При недостатке местных кандидатов, удовлетворяющих названным выше требованиям, министр мог назначать любых других кандидатов, достигших 25-летнего возраста и имевших высшее юридическое образование или соответствующий опыт в судебной сфере. Требование местного происхождения и владения недвижимостью в регионе в этом случае снималось.

Списки кандидатур местных жителей для последующего возможного назначения готовились, по Положению, специальными губернскими комитетами. В состав этих временных комитетов входили как имперские чиновники, так и представители сословных элит: губернатор (в качестве председателя), губернский предводитель дворянства, глава губернского города, прокурор окружного суда, управляющий казенной палатой, начальник управления земледелия и государственных имуществ. При составлении списков комитет должен был собрать сведения о потенциальных кандидатах, обратившись к соответствующим органам сословного и административного управления — уездным предводителям дворянства, городским главам, учреждениям по крестьянским делам. На основании этих данных составлялись и публиковались посословные «частные списки», в которых относительно каждого кандидата отмечалось, желает ли он получить назначение в участковые или почетные судьи, знает ли в достаточной степени русский язык, где получил образование, имеет ли сам, жена или родители имущество в соответствии с установленным имущественным цензом. Из них комитет формировал окончательный список кандидатов для представления министру [20, с. 243—244]. Тем самым Положение 1889 г. предусматривало при отборе кандидатов для назначения мировыми судьями ограниченное участие сословий — прежде всего дворянского и городского.

Анализ списков кандидатов показывает, что решающее влияние на их составление оказывали уездные и городские немецкие элиты края. Так, среди предложенных комитетом Эстляндской губернии 37 кандидатов в участковые мировые судьи 34 были немцами. Из них 31 — дворяне. Более половины были выпускниками Дерптского университета и имели опыт корпоративной службы в дореформенных сословных судах региона. Одобрение такого списка кандидатов означало бы сохранение монополии немецкой элиты в новой имперской юстиции края [41]. Характерно, что подобный список кандидатов был сформирован комитетом под председательством губернатора С. В. Шаховского, известного сторонника демонтажа власти остзейского рыцарства. Но итоговый состав корпуса назначенных министром юстиции участковых мировых судей оказался существенно иным в сравнении с предложенным губернскими комитетами. В почетные мировые судьи эстляндский комитет предложил исключительно немцев-дворян (10 кандидатур). В этой части новой местной юстиции, как увидим ниже, ожидания немецкой корпорации оправдались в существенно большей степени, чем в отношении участковых судей.

О мотивах включения в список кандидатов в мировые судьи и разном отношении к этому внутри немецкого сообщества Лифляндии рассказал в своих воспоминаниях барон Вильгельм фон Бульмеринг, балтийский землевладелец, юрист, политик и муниципальный деятель: «Лиц с юридическим образованием власти призвали внести свое имя в списки мировых судей. Мнения насчет того, следует ли откликнуться на призыв, раз-

делились. В Риге участие в новых русских судах отклоняли, а в деревне, которую представляло лифляндское дворянство, считали, что надо попробовать занять посты мировых судей, чтобы обеспечить правопорядок. Русские судьи, к примеру, вообще не знали местного права. Я присоединился к воззрениям деревни и внес свое имя в список мировых судей. Перспектив занять такой пост было мало, однако хотелось избежать упрека, что мы сами выпустили правосудие из своих рук» [7, с. 136].

В 1890 г. в прибалтийских губерниях работало 87 участковых и добавочных мировых судей, в 1900 г. — 92, в 1913 г. — 95. Мировые участки края были объединены в двенадцать мировых округов, во главе которых стояли председатели мировых съездов. Источники позволяют охарактеризовать изменения в кадровом корпусе мировой юстиции края в конфессиональном, этническом, сословном и образовательном отношении.

Как видно из таблицы 1, существенных изменений конфессионального состава корпуса мировых судей (участковых и добавочных) за почти четверть века прибалтийской пореформенной юстиции не произошло. Сохранялось и даже несколько выросло абсолютное преобладание православных (79—85%). Доля лютеран составляла немногим более одной десятой части корпуса (13—11%). Доля католиков среди мировых судей в рассматриваемый период снижалась (с 7 до 3%).

Таблица 1

Динамика конфессионального корпуса участковых и добавочных мировых судей прибалтийских губерний с 1890 по 1913 год, %

Религиозная принадлежность	Лифляндская			Эстляндская			Курляндская			Край в целом		
	1890	1900	1913	1890	1900	1913	1890	1900	1913	1890	1900	1913
Православные	87	84	84	71	89	89	72	80	85	79	84	85
Лютеране	7	10	10	12	0	11	24	16	12	13	10	11
Реформаты	2	0	0	0	0	0	0	4	4	1	1	1
Католики	4	6	6	18	11	0	4	0	0	7	5	3
ИТОГО	100	100	100	100*	100	100	100	100	100*	100	100	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

* Здесь и в последующих таблицах отклонение суммы процентов от 100 обусловлено округлением суммируемых данных до целых чисел.

Почти все председатели двенадцати мировых съездов Прибалтийского края были православными. Это положение дел не менялось во весь изучаемый период — с 1889 по 1913 г. Единственным исключением (по данным на 1900 г.) был председатель Венден-Валкского съезда мировых судей Людвиг Жанетти — реформат, выходец из Швейцарии.

Сложнее определить этнический состав судейского корпуса. Этническая принадлежность в ведомственных списках и служебных формулярах не указывалась. Результаты, представленные в таблице 2 и в последующих, основаны на косвенных данных — антропологии, сведениях о сословной и конфессиональной принадлежности, месте рождения, месте расположения недвижимости и др.

Среди участковых и добавочных мировых судей абсолютно преобладали русские. Со времени введения мировой юстиции в крае их доля выросла примерно на 10 процентных пунктов и на 1913 г. составляла 80%. Основные изменения произошли в 1890-е годы. Доля немцев после введения суда составила 14%, затем к началу XX века она сократилась до 9%, а к 1913 г. вновь выросла до 14%. Доля представителей коренного населения края в мировом судейском корпусе оставалась крайне низкой и не имела тенденции к увеличению: по данным на 1890 г., латышей в мировой юстиции края было всего 3 чело-

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

века (3%), на 1900 и 1913 гг. — по 2 человека (2%); эстонцев, по-видимому, среди мировых судей в рассматриваемые годы вообще не было. Почти исключительно русские были и среди председателей мировых съездов (за исключением уже упомянутого Л. Жанетти). Известная директива 1908 г. П. А. Столыпина прибалтийскому генерал-губернатору А. Н. Меллер-Закомельскому и министрам, в том числе и министру юстиции, о необходимости укрепления чиновного корпуса края лицами русского происхождения не имела особого значения в части кадровой русификации корпуса участковых мировых судей [3, с. 269—280]. Он и без того был в большой мере русифицирован.

Таблица 2

Динамика этнического состава корпуса участковых и добавочных мировых судей прибалтийских губерний с 1890 по 1913 год, %

	Лифляндская			Эстляндская			Курляндская			Край в целом		
	1890	1900	1913	1890	1900	1913	1890	1900	1913	1890	1900	1913
Русские*	76	82	80	65	89	78	68	76	81	71	82	80
Немцы	9	8	12	18	0	22	20	16	12	14	9	14
Латыши	4	4	2	0	0	0	4	0	4	3	2	2
Поляки	4	6	6	18	11	0	4	0	4	7	5	4
Другие	7	0	0	0	0	0	4	8	0	5	2	0
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105]. * «Русские» — в соответствии с имперской официальной категоризацией, включающей «великороссов», «малороссов» и «белороссов».

Социальный состав корпуса мировой юстиции претерпел изменения в направлении большей демократизации. Как показано в таблице 3, доля дворян до начала XX века оставалась стабильной (53—52%), а затем снизилась до 42% в 1913 г. Напротив, более чем в два раза выросла доля выходцев из низших, массовых сословных страт города и деревни — мещан и крестьян: если в 1890 г. выходцы из этих сословий составляли в совокупности 8%, то в 1913 г. их доля достигла пятой части всего корпуса участковых и добавочных судей региона (20%). Доли условно «средних слоев» — выходцев из духовенства, офицерства («сыновья обер- и штаб-офицеров») и купечества (включая потомственных почетных граждан) — оставались относительно стабильными (на уровне 8—14%). Тенденция демократизации социального состава корпуса мировых судей подтверждает сделанные М. Хагеном аналогичные наблюдения на материалах чиновничества других ведомств.

Таблица 3

Динамика сословного состава корпуса участковых и добавочных мировых судей Прибалтийского края с 1890 по 1913 год, %

Сословная принадлежность	Год		
	1890	1900	1913
Дворянство	53	52	42
Духовенство	13	12	14
Офицерство	11	13	12
Купечество и ПППГ*	10	8	9
Чиновничество, служащие, специалисты	3	1	3
Мещанство	5	8	12
Крестьянство	3	5	8
Иностранцы	1	1	0
ИТОГО	100	100	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

* Здесь и далее ПППГ — потомственные почетные граждане.

Динамика образовательного уровня корпуса участковых и добавочных мировых судей и председателей мировых съездов представлена в таблице 4.

Таблица 4

Динамика образовательного уровня корпуса мировых участковых и добавочных судей и председателей мировых съездов Прибалтийского края с 1890 по 1913 год, %

Год	Высшее юридическое образование в университетах и учебных заведениях юридического профиля				Итого высшее юридическое образование	Неюридическое образование	ИТОГО
	Дерптский (Юрьевский) университет	Санкт-Петербургский университет	Московский университет	Другие университеты и учебные заведения юридического профиля			
1890	6	25	22	30	84	16	100
1900	4	28	20	32	84	16	100
1913	11	42	9	25	88	12	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

Профессионально-образовательный уровень судейского корпуса был изначально, с момента введения судебных уставов, достаточно высок и имел тенденцию дальнейшего повышения, особенно в последние полтора десятилетия империи. После введения новых судов доля лиц, имеющих высшее юридическое образование, составляла в корпусе мировой юстиции (участковые, добавочные и председатели съездов) Прибалтийского края 84%. К 1913 г. этот показатель достиг 88%. Соответственно до 12% снизилась доля судей с непрофильным образованием.

Следует особо отметить, что выпускников Дерптского (Юрьевского) университета — ведущего регионального образовательного центра, в том числе в сфере юридического образования, — в региональном судейском корпусе было относительно немного. В первом составе назначенных судей их доля составляла 6%. К 1900 г. она снизилась до 4%, но затем, к 1913 г., увеличилась почти в три раза — до 11% (12 человек из 107 судей — участковых, добавочных и председателей съездов). В начале XX века резко возросла доля выпускников юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Если в 1890 г. их было четверть всего состава, то к 1913 г. — 42%. Соответственно в региональном судейском корпусе снижалась доля других университетов и учебных заведений, готовящих юристов.

Официальная миссия имперского суда в Прибалтийском крае была определена проводившем здесь судебную реформу министром юстиции Н. А. Манасеиным и выразилась, в частности, в личном подборе им судебных кадров. По оценке «Судебной газеты», Н. А. Манасейн «смотрел на судебных деятелей как на воинов, обязанных беспрекословно подчиняться воле начальства и жертвовать всеми своими личными, семейными и имущественными интересами для успеха того дела, к которому призывает их голос начальства и долг службы». Целью назначаемых судей было «внушить к новым судам доверие и уважение всех классов общества и проявить мощь русского духа и русской власти». Для назначения в Прибалтийский край Н. А. Манасейн старался отобрать лучших, по его мнению, судей из других регионов империи. По дошедшим сведениям, когда Манасейн познакомился с благоприятными мнениями о новых судах, он воскликнул: «Еще бы не

быть им довольными, когда я обобрал для них чуть не всю Россию!» [13]. Председатель Виндаво-Гольдинского съезда мировых судей И. Ф. Францесон в своей записке 1895 г. в Комиссию по преобразованию судебной части отмечал, что в отличие от западных губерний при проведении судебной реформы в привислинских, а затем и прибалтийских губерниях был произведен особенно тщательный отбор кадров в части образовательного уровня. Если в западных губерниях назначалось много бывших военных или губернских чиновников без юридического образования, то здесь был применен более тщательный подход к отбору, установлены более выгодные материальные условия и привлечены «более достойные кандидаты», подавляющее большинство которых были профессиональными юристами [21, л. 156—200]. Назначение участковыми мировыми судьями и председателями съездов профессиональных юристов, по большей части русских по происхождению и получивших образование в «русских университетах», должно было, по замыслу, обеспечить партийную и национальную беспристрастность суда, наиболее полную реализацию принципов и процедур Судебных Уставов, судебскую независимость от «местных тенденций», контроль министерства над корпусом местной юстиции и в конечном итоге — интеграцию прибалтийской окраины в имперское судебно-правовое пространство.

Преемник Н. А. Манасеина на посту министра юстиции Н. В. Муравьев в ходе инспекционной поездки по прибалтийским губерниям, продолжая линию предшественника, провозгласил, что миссией судебных деятелей в крае является утверждение «безличного начала правительственной власти, поставленной на страже судебного в Империи порядка». «Русский суд» должен быть одним из главных проводников «русского дела на окраине». При этом он должен быть «чужд каких-либо тенденций — религиозных, политических, партийных»; «для него нет различия в вере, языке, происхождении, сословии, достатке, а есть лишь правые и виноватые, обиженные и обидчики». Но одновременно судьи в своей деятельности, утверждая «русский правопорядок», должны хорошо ознакомиться с местными условиями и гражданским правом, которое продолжало здесь действовать и после проведения судебной реформы [26, л. 3—5].

В наибольшей степени подобным установкам министерства отвечали русские мировые судьи и председатели мировых съездов, которые были переведены из центральных регионов, но в дальнейшем в течение многих лет служили в крае. Они могли сочетать выполнение имперской судебно-правовой миссии в крае с достаточно глубоким погружением в местный контекст и хорошим знанием местного гражданского права и социальных реалий. Так, четверть и более века прослужили мировыми судьями и/или председателями мировых съездов В. П. Свистунов (с 1869 до 1889 г. — мировой и окружной судья в центральных губерниях, после долгие годы служил председателем съезда в Нарве, Ревеле и Митаве), С. А. Салтанов (до 1889 г. — мировой судья в Минской губернии, затем — в Лифляндской), Н. А. Можевитинов (до 1889 г. — судебный следователь и товарищ прокурора в Оренбургской губернии, затем — мировой судья и председатель съезда в Лифляндской губернии), Э. Ф. Лузанов (до 1889 г. служил мировым судьей в Бессарабской губернии, затем — в Нарве; Нарва в судебном отношении относилась к округу Ревельского окружного суда), Н. В. Мельников (выпускник Дерптского университета; с 1889 г. — председатель ВКС в Эзельском уезде, затем до конца империи — мировой судья в том же уезде) [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

Долгая служба в крае, глубокое погружение в местный контекст позволили В. П. Свистунову организовать в начале 1890-х годов в своем Ревельско-Гапсальском округе признанную ревизором судебной палаты образцовой систему взаимоотношения мировой юстиции с волостными и верхними крестьянскими судами. Всего под его надзором

находилось 50 волостных судов. Председатель контролировал выборы членов волостных судов, осуществлял ежегодные ревизии, оказывал помощь и содействие в трудных вопросах, внедрял принципы организации мировой юстиции в низовые крестьянские суды, поставил на должный уровень запись решений, ведение делопроизводства. Мировой съезд разъяснял для крестьянских судов, в частности, правила рассмотрения решения наиболее распространенных типов дел: наследственно-опекунских, по духовным завещаниям, по аренде и др. В практике взаимодействия мировой юстиции с крестьянскими судами использовался русский и эстонский языки [22, л. 4 об. — 7 об.]. Тем самым председателю мирового съезда В. П. Свистуну удалось за долгие годы службы в полной мере реализовать на практике специфику институционального дизайна пореформенной прибалтийской местной юстиции — связь мирового и крестьянских судов, их объединение в едином судебном ведомстве.

Процесс адаптации присланного мирового судьи и местного сообщества мог занять определенное время. Э. Ф. Лузанов, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, с 1881 г. служил мировым судьей по выбору в Бессарабской губернии, где по результатам ревизий признавался «одним из лучших судей». В 1889 г. он был назначен мировым судьей в Нарву (Везенберг-Вейсенштейнский мировой округ). Со стороны местного сообщества в лице редактора нарвской эстонской газеты «Вирмалине» Ю. Ю. Рейнвальда к судье Лузанову была высказана претензия. В своем письме 1893 г. министру юстиции он сообщал о грубом общении судьи с участниками судебных процессов из числа рабочих-эстонцев Нарвы. В ходе проверки прокурор Ревельского окружного суда признал, что Лузанову следует проявлять «большую доступность для обращающихся к нему лиц». В процессе дальнейшей взаимной адаптации его как мирового судьи и местного сообщества Лузанов, по-видимому, учел замечания и скорректировал свое поведение. По результатам ревизии 1906 г. было признано, что «мировой судья Лузанов пользуется в Нарве всеобщим уважением как справедливый судья и в высшей степени гуманный и честный человек» [32, л. 1—98].

Процесс постепенной адаптации коронных судей в крае отмечал в 1910 г. в своем выступлении по новому закону о местном суде депутат Госдумы из Эстляндской губернии барон А. О. Шиллинг, бывший судебный деятель дореформенных судов. Являясь почетным мировым судьей в Везенберг-Вейсенштейнском округе, Шиллинг хорошо знал проблемы и достижения новой юстиции в крае, отношение к ней местных сообществ. В первые годы после реформы 1889 г., констатировал Шиллинг, внедрение коронной юстиции рассматривалось как вторжение в дарованные балтийским немцам права и привилегии, потому новых судей приняли с недоверием, а реформу — враждебно. Ведь назначались судьи, не знающие ни края, ни особенностей аграрного строя, ни действующих в крае гражданских законов. Но к настоящему времени, отмечал депутат, отношение к коронной судебной системе улучшилось. Большинству назначенных мировых судей «удалось в короткое время освоиться с местными условиями и местной жизнью, ознакомиться с действующими гражданскими законами, крестьянским положением». В результате «доверие к судьям и уважение к суду в Прибалтийском крае не затерялось». При этом система назначения обеспечила «независимость и беспристрастность» суда. По мнению депутата, «в крае с различным по национальностям населением особенно желательно, чтобы судья стоял вне всяких партийных и национальных споров». При этом депутат отверг мнение, что за коронный суд выступает только немецкое дворянство края, сославшись при этом на решения предварительных собраний у Эстляндского и Рижского губернаторов, где все представители от крестьян и городов, как латышские, так и эстонские, «единогласно стояли за коронный суд» [8, стб. 2764—2766]. Учитывая оценку Шиллинга, следует все

же иметь в виду, что он как почетный судья мог влиять на решения съезда мировых судей (об этом — ниже).

По результатам ревизии 1896 г. председателя Ревельского окружного суда В. Я. Фукса Везенберг-Вейсенштейнского и Ревельско-Гапсальского округов Эстляндской губернии был сделан вывод о «полном доверии и уважении населения к мировым и волостным судам». В качестве свидетельства этого указывалось, в частности, на факт относительно небольшой доли обжалований решений участковых судей в мировом съезде: уголовных дел — 13%, гражданских дел — 16%. Значительное число дел, указывалось в ревизионном отчете, прекращалось примирением. Отмечалось частое обращение к мировым судьям с устными заявлениями [22, л. 16—17].

Глубокое погружение русских судей в местный контекст приводило порой к их отступлению от официальной миссии, допущению ими, как говорилось в материалах ревизий, «местных тенденций». В. А. Мурашкинцев, по происхождению русский православный из мещан города Перми, выпускник юридического факультета Московского университета, свою судебную карьеру в мировой юстиции начал в 1897 г. в Сибири, в Иркутской губернии. По отзыву старшего председателя Иркутской судебной палаты, Мурашкинцев являлся настоящим профессионалом своего дела, «одним из лучших судей Иркутского округа». С 1901 г. он неоднократно ходатайствовал о переводе его на запад империи — в Прибалтийский или Привислинский край. С 1904 г. его ходатайство было удовлетворено, и он с 1904 по 1908 г. служил мировым судьей в Курляндской губернии. Здесь он сразу активно включился в полиэтноконфессиональный контекст края. По свидетельству прокурора Либавского окружного суда, в судебных делах между немцами и латышами он неизменно поддерживал латышей. В качестве члена родительского комитета при Либавской Николаевской гимназии Мурашкинцев сблизился с лидерами еврейской общины города. На выборах в III Государственную думу он выступал кандидатом от «латышско-еврейского блока». За сближение в профессиональной и общественной деятельности с местными нерусскими общинами последовали санкции: в 1908 г. Мурашкинцев по ходатайству прибалтийского генерал-губернатора А. Н. Меллер-Закомельского был переведен в Юго-Западный край [23, л. 1—5; 33, л. 116].

Тем самым русский имперский судья, призванный продвигать «русское дело» в крае, сблизился с местными общинами и поставил свою карьеру и общественную активность в значительной мере на службу сообществ коренного большинства и недоминирующего этнического меньшинства. Характерно, что эта отставка судьи произошла непосредственно после того, как П. А. Столыпин, следуя указанию императора, потребовал укреплять прибалтийскую администрацию русскими кадрами. Случай Мурашкинцева мог служить генерал-губернатору А. Н. Меллер-Закомельскому одним из подтверждений его мнения о подверженности присланных в край русских служащих ассимиляции в местной среде Прибалтийского края и соответственно его сомнений в их способности к осуществлению здесь русификаторской миссии. О нередком сближении русских чиновников, отправленных для служения в разные государственные ведомства Прибалтийского края, с доминирующим немецким сообществом, об их «онемечивании» А. Н. Меллер-Закомельский сообщал П. А. Столыпину в том же письме 1908 г.

Уже упомянутый выше барон Вильгельм фон Бульмеринг в своих воспоминаниях высоко оценил нравственные и корпоративно-профессиональные качества русских судей в прибалтийских губерниях на примере их отношения к немцам в период антинемецкой кампании в России в годы Первой мировой войны. После несправедливого обвинения прессы в том, что немцы Риги отказываются участвовать в сборе средств для российских войск под эгидой Красного Креста, члены окружного суда и съезд мировых судей заяви-

ли, что, если травля немцев не прекратится, они в сборе средств участвовать не будут. «Русские судьи, — отмечал в связи с этим эпизодом Бульмеринг, — единственное в старой России сословие, считавшееся совершенно неподкупным, совместно с которыми мы, немцы, годами работали в качестве почетных мировых судей, доказали и в этом случае независимость своих убеждений, и наряду с усилиями архиепископа и губернатора это во многом способствовало тому, что жизнь немцев в Прибалтике, и в войну тоже, была все-таки терпимой» [7, с. 156—157].

Другим распространенным сценарием, противоположным втягиванию русских судей, присланных извне в регион, в местную среду и защите интересов местных сообществ, являлось, напротив, излишне формальное, «холодное», «равнодушное» исполнение ими своих обязанностей, когда служба на окраине рассматривалась не как выполнение некой имперской или, напротив, патронирующей в отношении субалтерных групп миссии, а просто как очередная ступень в чиновной карьере. Об этом, в частности, ревельский публицист В. И. Роберт писал министру юстиции в 1895 г.: «С внешней, то есть формальной стороны, все кажется в порядке, обстоит благополучно, рутина и формализм господствуют повсюду, люди — плотью и кровью чиновники. Они погрязли в болоте канцелярщины, при этом существо дела невольно отодвигается на задний план. Закон и реформа близки к идеалу, но исполнителей таких найти невозможно, и вершителями судеб себе подобных являются лица, не выдерживающие самой снисходительной критики» [25, л. 3—3 об.].

Как мы видели, общие установки центральной имперской власти на поддержание русифицированного кадрового состава пореформенного суда не исключали назначения местных уроженцев. В том числе и П. А. Столыпин, давший в 1908 г. по указанию императора директиву на русификацию служащих региона, в ответ на рассуждения генерал-губернатора А. Н. Меллер-Закомельского о препятствиях и проблемах, связанных с назначением выходцев из русских губерний, признавал, что «правительство и не желает совершенно преграждать местным жителям доступ на государственную службу в родном крае». Но главное условие — имперская лояльность: «Те из них, которые действительно привержены порядку, всегда найдут себе место рядом с уроженцами коренных областей России. Но лица, известные сепаратистскими своими стремлениями, число коих в прибалтийских губерниях, к сожалению, весьма велико, не могут быть терпимы в составе местных служащих» [3, с. 279].

Подтвержденная на деле имперская лояльность, отсутствие ярко выраженных «местных тенденций», достаточное владение русским языком, высшее юридическое образование, сочетание хорошего практического знания одновременно и местного, и имперского законодательства, желание служить в новых судах создавали тот узкий коридор возможностей, который приводил к назначению местных юристов на должности судей в пореформенной имперской юстиции края. Приведем примеры таких карьер.

Один из немногих назначенных в 1889 г. в новые суды балтийских немцев — Н. Г. Шефер, выпускник юридического факультета Дерптского университета, имевший богатый практический опыт долголетней судейской службы в магистрате Митавы и обергофгерихте Курляндской губернии. При введении новой юстиции он был назначен мировым судьей в родной для него местности, в Туккум-Тальсенском мировом округе. Газета «Рижский вестник» сообщала о мотивах и факторах его назначения: «Отличаясь полной беспристрастностью, строгим отношением к своей служебной деятельности, Шефер как этими качествами, так и своими знаниями государственного языка и государственных законов составил себе настолько солидную репутацию, что при введении новых установлений министерство юстиции предоставило ему в числе весьма немногих деятелей

старых судов продолжать свое служение в том же ведомстве». На должности мирового судьи Н. Г. Шефер «приобрел себе большую популярность среди местного сельского населения» [16].

Судебная карьера представителя более молодого, чем Н. Г. Шефер, поколения балтийских немцев среди мировых судей края — К. О. Агтельмайера, происходящего из семьи лютеранского пастора Газенпотского уезда Курляндской губернии, отразила отмеченный выше тренд на некоторое увеличение к 1910-м годам в рассматриваемом корпусе выпускников Юрьевского университета. После окончания в 1894 г. юридического факультета он стал кандидатом на судебные должности при Либавском суде. Затем, послужив на административной должности в Петербурге, вернулся в родной край после получения места председателя верхнего крестьянского суда в Баусском уезде Курляндской губернии. В 1911 г. перешел на следующую ступень судебной карьеры, став мировым судьей Митаво-Баусского мирового округа [27, л. 1—51].

Не все балтийские немцы, мировые судьи Прибалтийского края, заканчивали Дерптский/Юрьевский университет. Так, судебная карьера П. Г. Энгельмана, сына рижского немецкого купца, отражала отмеченную тенденцию на увеличение в судебном корпусе доли выпускников юридического факультета Санкт-Петербургского университета. После окончания университета в 1903 г. и службы на секретарских должностях при Санкт-Петербургской судебной палате он в 1906 г. был назначен мировым судьей в родные места — в Рижско-Вольмарский мировой округ Лифляндской губернии, где и прослужил до конца империи. Судя по жалобе, имеющейся в личном деле судьи, иногда он переходил при общении с немцами — участниками процессов на немецкий язык. И хотя это противоречило закону, его карьера не пострадала. Свидетельство о судоговорении на немецком языке было признано ненадежным, а старший председатель судебной палаты в своем отзыве назвал Энгельмана «прекрасным юристом», энергичным судьей и «любяльным немцем» [35, л. 1—58; 39, л. 1—67].

Судя по личным делам мировых судей-немцев, высшее министерское начальство было обеспокоено тем, что они будут излишне втянуты в местные связи и проявлять тем самым, как говорилось в ревизионных документах, «местные тенденции». Но подобные факты в отношении судей-немцев далеко не всегда вели к реальным санкциям. Судья Ф. Г. Гейкинг, немецкий барон Тальсенского уезда Курляндской губернии, выпускник Дерптского университета, был один из немногих в мировой юстиции края, кто служил в дореформенных судебных местах: непосредственно перед назначением в 1889 г. мировым судьей Виндаво-Гольдингенского округа он был ассессором обер-гауптманского суда. С 1892 г. его судебная камера располагалась в городе Тальсене, всего в 18 км от наследственного имения. Относительная близость места службы и имения позволяла ему совмещать судебскую деятельность с предпринимательством — как многие другие немецкие дворяне в то время, он имел пивзавод, содержал трактиры и лавки в Тальсене и у себя в имении. Судебным властям округа поступила жалоба, что Гейкинг не уделяет должного внимания своей профессиональной деятельности в качестве мирового судьи, а «интересуется только своими заведениями». Более того, иногда он использует судебское место в своих личных целях: «Если другие питейные заведения не выбирают из его пивоваренного завода пива, то он как мировой судья строго осуждает за каждое малое дело». Но по этому серьезному обвинению полноценного расследования проведено не было. В ответ на жалобу прокурор Митавского суда выяснил только, что пивоваренный завод сдан Гейкингом в аренду, а личность жалобщика точно не установлена. Дальнейших подробных расследований прокурор производить не стал, «посчитав огласку нежелательной, так как барон Фридрих Гейкинг донельзя самолюбивый и щепетильный в вопросах чести». Тем

самым, несмотря на обвинения в «местных тенденциях», барон Гейкинг сохранял должность мирового судьи в родной местности до своей смерти в 1908 г. [30, л. 1—91].

В связи с местным сообществом немецких дворян и судоговорением на немецком языке подозревался еще один мировой судья из остзейских немцев. П. К. Конради, сын лютеранского пастора из Добленского уезда Курляндской губернии, выпускник Дерптского университета, до реформы, как и Гейкинг, служил в дореформенных судебно-административных институтах края. Влиятельный член немецкого общества Митавы и всей Курляндской губернии, Конради занимал должность директора Курляндского городского ипотечного общества. Несмотря на балто-немецкое происхождение и влиятельность в элитных кругах края, сразу после реформы, в 1889 г., он был назначен мировым судьей в родных для него местах — в Митаво-Баусском мировом округе. Назначение обеспечила во многом поддержка и положительная аттестация губернского прокурора Мясоедова: «В будущем как человек умный он подчинится требованиям времени и начальства. Привлечение его на службу в виду знания местных законов весьма желательно». Ревизор судебной палаты Добровольский в 1890 г. сообщал, что «мировой судья Конради до назначения на настоящую должность служил в дореформенных судебных учреждениях Прибалтийского края; он пользуется особым доверием местного дворянства, которое, по слухам, называет его “наш судья”; в заседаниях мирового съезда он не председательствует в виде исключения из общего правила как недостаточно владеющий русским языком». В ревизионном отчете председателя окружного суда 1895 г. отмечалась некоторая небрежность судьи Конради в производстве судебных дел, недостаточное владение русским языком и употребление немецкого языка при взаимодействии с доверенными лицами участников процессов, многие из которых «находятся в дружественных отношениях с этим судьей». Но эти недостатки и упущения, по мнению ревизора, компенсировались нравственной безупречностью и «основательным знакомством с местными гражданскими узаконениями, объясняемым службой в учреждениях прибалтийских губерний». Конради оставался мировым судьей в родном округе в течение четверти века, до своей смерти в 1914 г. [31, л. 1—36].

Из приведенных примеров видно, что, несмотря на установку центральных властей на русификацию судебных кадров в регионе, ведомственные судебные руководители регионального уровня (председатели мировых съездов, прокуроры, председатели окружных судов и др.) дорожили немногими кадрами местного немецкого происхождения, ценили их хорошее знание местного права и судебной практики, их коммуникационные возможности при взаимодействии с участниками судебных процессов, связи с местным юридическим сообществом. Соответственно они закрывали глаза на некоторые отступления от формальных требований.

Обширное послание 1905 г. министру юстиции под названием «Доклад» мирового судьи В. В. Штернберга, уроженца города Пернова из семьи купца 2-й гильдии, позволяет раскрыть, по-видимому, широко распространенный тип мотивации, отношения к службе, к присланным извне русским судьям и полицейским и собственной миссии судей-выходцев из местных элит Балтийского края. «Доклад» министру был реакцией Штернберга на обвинение его в превышении полномочий. До назначения в 1900 г. мировым судьей в Везенбергском уезде В. В. Штернберг, выпускник юридического факультета Дерптского университета, служил переводчиком в Эстляндском Оберландгерихте, а после реформы — судебным следователем. Штернберг, по его словам, был одержим миссией служения — одновременно престолу и своему краю. Он хотел быть не судьей-чиновником, «чуждым интересам общества и оторванным от жизни и вечно меняющихся ее требований», а судьей «с правильным взглядом на живые жизненные интересы

общества и его строя». Тяготение к государственной службе, где он мог бы реализовать также и свою общественную миссию, заставило его отказаться от доходной должности нотариуса. После назначения судьей он обнаружил, что в его участке происходит много беспорядков (хулиганство, стычки, плохое содержание дорог и пр.), которые он взялся активно искоренять, привлекая к суду как простых крестьян, так и местных землевладельцев. Штернберг перевел на эстонский язык часть статей «Устава о наказаниях» и развесил перевод у себя в камере, в церкви и в волостных судах.

Но чрезвычайная активность судьи, «коренизация» текста уголовного законодательства вызвала нарекание со стороны местной имперской администрации. В «Докладе» Штернберг обвиняет административно-полицейские власти в бездействии, равнодушием, «вялом» исполнении своих обязанностей. Именно активное вторжение в их сферу компетенции, стремление заставить их работать активнее по наведению порядка в округе вызвало обвинение судьи в превышении полномочий. Штернберг пишет министру о предвзятом отношении к нему как уроженцу края со стороны назначенных извне русских полицейских чиновников и коллег-судей: его служебное рвение, активность по искоренению беспорядков воспринимались как результат исключительно карьерных устремлений. По его мнению, назначенные извне служащие излишне формально исполняют свои обязанности. Их служебное нерадение и «псевдолиберализм» косвенно способствовали происходящим беспорядкам в крае: «Всепрощение и благотворительность хороши за счет личных средств, но не за счет вверенных нам по службе личных и имущественных интересов третьих лиц, сословий и всего общества». Он был убежден, что именно «уроженцы Прибалтийского края благодаря знанию местных условий и народных наречий в состоянии творить чудеса в сравнении с пришлыми элементами служащих».

После очередного обвинения в неподобающем поведении и отстранения от должности в 1906 г. за участкового судью Штернберга вступились почетные судьи округа. В письме министру, подписанном 14 немцами-почетными судьями, говорилось, что мировой судья В. В. Штернберг — «один из убежденных и неутомимых борцов за поддержание общественного порядка и дисциплины в народных массах». Почетные судьи отмечали, что, «участвуя с В. В. Штернбергом в судебных и распорядительных заседаниях, мы могли убедиться в том, что он, находясь на высоте требований как человек и юрист, соблюдал принципы идеальной справедливости и равенности всех перед судом». Кроме того, письмо в поддержку Штернберга отправили жители местечка Йевве, где располагалась его камера (всего 27 подписей: домовладельца, аптекаря, доктора, булочников, столяра, купцов, землемера, печников, баронов, портного, крестьянина и др. с немецкими и эстонскими фамилиями). За уволенного судью вступился даже прибалтийский генерал-губернатор А. Н. Меллер-Закомельский, сторонник назначения местных кадров. В письме министру юстиции Щегловитову он ходатайствовал о восстановлении Штернберга, заявляя, что тот «стал жертвой происков партии, причастной к революционным волнениям и беспорядкам конца 1905 года». После непродолжительного периода занятия присяжной адвокатурой В. В. Штернберг вновь был назначен мировым судьей в Эстляндской губернии и продолжал свою службу в крае до 1916 г. [37, л. 1—312].

Пример службы и отношения к ней В. В. Штернберга показывает стремление судей местного происхождения совместить имперскую лояльность и искреннее стремление принести пользу своему краю и сообществу, помимо исключительно карьерных мотивов. При этом такой судья мог оказаться излишне активным и страстным с точки зрения коллег-судей и административных властей. Судебное служение и мировоззрение Штернберга можно рассматривать как отражение процесса своего рода «коренизации» имперских институтов, адаптации их в местном окружении и отчасти постановки на службу местным сообществам и их интересам.

Среди немногочисленных судей латышского происхождения можно упомянуть М.-Н. М. Шульца. Он прослужил в крае участковым мировым судьей почти четверть века — с момента введения в 1889 г. новых судов до 1913 г. Шульц происходил из крестьян Зегевольдской волости Рижского уезда, исповедовал лютеранство. После окончания в 1868 г. юридического факультета Санкт-Петербургского университета два десятилетия прослужил на судебных должностях в северо-западных губерниях, Ковенской и Витебской. После начала в 1889 г. судебной реформы он обратился в министерство с просьбой о переводе в родной край. В обращении, обосновывая достоинства своей кандидатуры, он особо подчеркнул, что является латышом по происхождению и кроме русского владеет местными языками края — латышским и немецким. Получив блестящую характеристику от своего прежнего судебного начальства, где подчеркивались его опытность и особенно глубокие знания в гражданском праве, он получил искомое назначение мировым судьей в Прибалтийский край, где и служил до отставки по возрасту в 1913 г. [24, л. 1—6 об.; 38, л. 1—181].

Особой категории служителей местной юстиции — почетным мировым судьям — уделялось мало внимания в научной литературе. Действительно, в центральных губерниях они, как правило, не играли значимой роли в местной юстиции. Но не таково было положение вещей на окраинах, в частности в прибалтийских губерниях.

В таблице 5 представлена динамика этнического состава корпуса почетных мировых судей.

Таблица 5

Динамика этнического состава почетных мировых судей Прибалтийского края
с 1890 по 1913 год

Этническая группа	Год					
	1890		1900		1913	
	N	%	N	%	N	%
Русские	9	15	15	12	47	20
Немцы	51	85	104	86	176	74
Латыши	0	0	0	0	5	2
Эстонцы	0	0	0	0	2	1
Поляки	0	0	2	2	3	1
Не определено	0	0	0	0	5	2
ИТОГО	60	100	121	100	238	100

Рассчитано по: [1, с. 20—21, 49—50, 94, 130, 140; 2, с. 142—146; 40, л. 1—336; 42, с. 152—178; 43, с. 145—202].

Общее количество почетных мировых судей за четверть века прибалтийской имперской юстиции существенно выросло — почти в четыре раза, с 60 до 238 человек. За весь период среди почетных судей абсолютно преобладали немцы. По большей части это были дворяне-землевладельцы, в меньшей степени — представители городской интеллигенции, предпринимательства и самоуправления (городские головы, члены городских управ). Если до 1900 г. доля немцев оставалась стабильной, на уровне 85—86%, то в начале XX века она несколько снизилась — до 74%. При этом за весь период с 1890 по 1913 г. общее количество почетных мировых судей немецкого происхождения увеличилось в 3,5 раза — с 51 до 176. Особенно значимый рост наблюдался в Эстляндской губернии — в 4,5 раза, опережая рост количества всех почетных мировых судей края. Доля мировых почетных судей русского происхождения несколько выросла в рассматрива-

емый период — с 15 до 20% (в абсолютных цифрах — с 15 до 47). Но следует учитывать, что значительная часть среди них были администраторами высокого ранга (губернаторы, вице-губернаторы, другие чины губернской администрации), которые, как правило, не принимали личного активного участия в судебных процессах. Представители коренного большинства населения края — латыши и эстонцы — появились в корпусе почетных судей только после 1900 г. Но и в дальнейшем их участие оставалось единичным. Как и в случае с участковыми судьями, процессы коренизации корпуса почетных судей едва наметились в начале XX в.

Если большинство русских почетных судей лишь формально числились на этих должностях, то представители немецких элит были мотивированы и активны. Рост абсолютной численности, преобладающая доля и деятельное участие в осуществлении мировой юстиции свидетельствуют о том, что немецкая элита края стремилась через занятие этих позиций компенсировать крайне ограниченный допуск к должностям участковых судей и фактически полный запрет на занятие должностей председателей мировых съездов.

По закону, почетные судьи участвовали в заседаниях мирового съезда (по два в соответствии с очередностью), могли замещать участкового судью, рассматривали те гражданские дела, в которых стороны спора по взаимному согласию обращались к ним для рассмотрения и окончательного решения. Многие из почетных судей имели высшее юридическое образование и опыт службы в дореформенных судебных местах края [22, л. 2—3, 8 об. — 9]. В 1890 г. из 60 мировых судей Прибалтийского края 36 имели высшее юридическое образование. Из них 27 (почти половина общего числа) заканчивали юридический факультет Юрьевского университета.

Как показывают источники, прибалтийские почетные судьи по максимуму использовали предоставленные законом полномочия. Такое их судебное посредничество реально было востребовано участниками судебных споров. По свидетельству председателя Гагенпот-Гробинского мирового съезда Курляндской губернии А. А. Башмакова, правоведа, этнографа и общественного деятеля, почетные судьи в Прибалтийском крае являлись судебным институтом более деятельным, чем во внутренних губерниях империи. «Местное общество сильно дорожит им, несомненно, по той причине, что большая часть почетных судей состоит из местных уроженцев». В качестве примера востребованности Башмаков приводит ходатайство одной из городских дум об учреждении еще одной должности почетного судьи, кроме существующих в местном мировом съезде. Ходатайство мотивировалось тем, что существующие почетные судьи уже переобременены судебными занятиями. «Таково действительное рвение и усердие — отмечает Башмаков, — которым отличаются эти почетные судьи от почетных судей внутренних губерний». В силу значительной активности почетных судей ярко проявлялась законодательная неурегулированность некоторых вопросов судебной процедуры. Например, полиция сообщала участковому судье о принятии охранительных мер в отношении наследства, но в то же время наследники по взаимному согласию обращались к почетному судье. Это могло приводить к коллизии компетенций. Готовых ответов, констатировал А. А. Башмаков, нет, ведь если единоличная деятельность почетного судьи во внутренних губерниях существует в основном только на бумаге в предположениях законодателя, то «в Прибалтийском крае стремление к ней, можно сказать, бьет ключом из почвы» [4, с. 32—34].

В 1895 г. ревельский публицист В. И. Роберг, сторонник ограничения немецкого влияния в судебных институтах, в своем обращении к министру юстиции сообщал, что состав суда в Прибалтийском крае «не чисто русский, а с примесью местного немецкого элемента — в особенности в мировых судебных учреждениях, в коих весьма усердно работают почетные мировые судьи из местных аристократов». В Ревеле, отмечал Роберг,

только один почетный мировой судья — русский. По наблюдениям публициста, влияние почетных судей-немцев сказывается на множестве гражданских судебных споров. Так, приводит пример Роберг, барон Энгельгардт предъявил в 1894 г. в мировом суде 40 исков крестьянам соседней Алленкюльской волости (по возмещению расходов на ремонт моста в своей мызе) и все дела по ним выиграл в один день. Все эти 40 дел во второй инстанции рассматривались с участием почетного мирового судьи барона Шиллинга, который, по информации Роберга, повлиял в мировом съезде на решение в пользу Энгельгардта, причем вопреки заключению прокурора о неправомерности исков. Крестьяне были возмущены, констатировал Роберг [25, л. 1—2].

«Юридическая газета» сообщала в 1900 г., что ревельское адвокатское сообщество, состоящее в основном из немцев, стремилось добиться назначения как можно большего числа почетных мировых судей в уезде и городе — главным образом из среды местных землевладельцев. Почетные судьи при этом должны были, в частности, помочь решить языковой вопрос в судах. Ревельские адвокаты предлагали министерству сформировать из почетных судей комиссии для квалификационного экзаменования судебных переводчиков. Кроме того, адвокаты рассчитывали, что расширенный корпус местных почетных судей поспособствует возвращению в суды возможности использования местных языков, прежде всего немецкого. «Юридическая газета» сетовала, что уже через несколько лет после внедрения имперской юстиции в крае «немецкая партия сообразила, что при помощи “новых судов” можно легко отстаивать “старые нормы и обычаи”» [5]. Имперские судебные институты, погружаясь в местный социальный, коммуникационно-языковой, кадровый и культурный контекст, отчасти вовлекались в актуальную повестку местных влиятельных сообществ — сохраняющих свою силу немецких и постепенно усиливающихся эстонских и латышских.

Совмещение должности почетного судьи с административной позицией еще более укрепляло значимость такого деятеля в местной юстиции и сообществах, на которые распространялась юрисдикция соответствующего мирового округа. Так, например, остзейский дворянин Родерих фон Лорингховен, по данным на 1913 г., совмещал в Перновском уезде Лифляндской губернии должность почетного судьи с должностью комиссара по крестьянским делам [40, л. 1—336].

Член Ревельского окружного суда К. Г. Высоцкий в 1899 г. в своей речи о десятилетиях судебной реформы в крае и роли почетных судей отметил, что почетные судьи в крае отчасти возмещают отсутствие здесь суда присяжных: «...местный общественный элемент принимает участие в деле отправления правосудия. Мы говорим об участии в деле суда почетных мировых судей. Близкое знакомство их, в большинстве случаев жителей деревни, с местными бытовыми условиями дает возможность и коронным судьям с наибольшей верностью и правильностью ориентироваться среди добываемого на судебном следствии материала» [9].

По мнению уже упомянутого выше Вильгельма фон Бульмеринга, который совмещал работу в городской управе Риги с обязанностями почетного мирового судьи, этот институт местной юстиции себя оправдывал. Участие почетных судей в судебных делах в единоличном качестве или в составе мирового съезда «во многих случаях избавляло от длительных процессов и лишних расходов. Особенно велика была роль почетных судей в гражданских делах по наследству. Почетные судьи после тщательной проверки обстоятельств выдавали родственникам умершего свидетельство о том, кто именно является наследником по местному гражданскому праву. Такая работа почетного судьи, констатировал Бульмеринг, снимала с судов часть работы и ускоряла для наследников признание их прав. Участие почетных судей в заседаниях мировых съездов особенно важно было

тем, что русские судьи, по мнению мемуариста, «совсем не знали балтийского права». По воспоминаниям Бульмеринга, местные судьи в составе съезда умели отстоять свою точку зрения, убедить русских судей, в том числе председателя съезда, в своей правоте: «Особенно запомнилось мне одно заседание на съезде мировых судей, где кроме председателя (русского) присутствовал один судья из Прибалтики и в качестве почетного — я. Нам приходилось то и дело возражать председателю, и мы сумели его убедить — на основе частного права — в справедливости наших воззрений. После чего председатель нам с гордостью сказал: это редкий случай, когда против приговоров нашей сессии не было подано ни одной кассационной жалобы» [7, с. 144]. На этом примере видно, в какой мере имперский суд был «погружен» в местное балтское окружение, влиятельную часть которого составлял корпус почетных судей.

Устройство и положение в системе местного суда института волостных и верхних крестьянских судов прибалтийских губерний было во многом уникальным для имперской пореформенной юстиции. Волостные и верхние крестьянские суды (далее — ВКС; это вторая, апелляционная и контролирующая по отношению к волостным судам инстанция; кассационная инстанция для них — мировой съезд), в отличие от крестьянских сословных судов других регионов России, входили в ведение Министерства юстиции, а не внутренних дел. Тем самым здесь был проведен принцип разделения судебной и административной власти вплоть до низовой крестьянской юстиции. В процедурном и организационном отношении волостная юстиция и ВКС были приближены к мировой юстиции, к стандартам Судебных уставов. Председатели ВКС назначались министром, контролировались и ревизовались мировым съездом соответствующего округа и его председателем. Соответственно институт председателей ВКС являлся частью местной коронной юстиции. От председателей ВКС требовалось знание русского и местного языка большинства населения округа, образование не ниже среднего или опыт работы в судебных местах. В округе каждого ВКС находилось от 18 до 25 волостных судов. Кроме председателей крестьянских судов в их состав в качестве членов коллегии по очереди входили председатели волостных судов.

Динамика этнического и сословного состава, а также образовательного уровня корпуса председателей ВКС Прибалтийского края представлена в таблицах 6—8.

Таблица 6

Динамика этнического состава корпуса председателей верхних крестьянских судов судей Прибалтийского края с 1890 по 1913 год

Этническая группа	Год					
	1890		1900		1913	
	N	%	N	%	N	%
Русские	4	12	2	6	2	6
Немцы	15	44	14	41	5	15
Латыши	5	15	8	24	14	41
Эстонцы	5	15	10	29	12	35
Поляки	0	0	0	0	1	3
Не определено	5	15	0	0	0	0
ИТОГО	34	100	34	100	34	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

За весь рассматриваемый период в крае единовременно действовали 34 верхних крестьянских суда; соответственно такое же количество председателей ВКС. Как видно из таблицы 6, общей тенденцией было существенное увеличение в корпусе председателей

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

ВКС представителей коренного населения края — латышей и эстонцев. Если в 1890 г. их совокупная доля составляла 30%, то к 1913 г. она достигла абсолютного большинства в 76%. Напротив, резко, почти в три раза — с 44 до 15% — снизилась доля немцев. В два раза снизилась и доля русских — с 12 до 6%.

Таблица 7

Динамика сословного состава корпуса председателей верхних крестьянских судов судей Прибалтийского края с 1890 по 1913 год

Этническая группа	Год					
	1890		1900		1913	
	N	%	N	%	N	%
Дворяне	8	24	10	29	4	12
Духовенство	2	6	3	9	1	3
Офицерство	1	3	0	0	1	3
ППГ	1	3	2	6	1	3
Мещанство	8	24	7	21	3	9
Крестьянство	10	29	12	35	24	71
Неизвестно	4	12	0	0	0	0
ИТОГО	34	100	34	100	34	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

Таблица 8

Динамика образовательного уровня корпуса председателей верхних крестьянских судов Прибалтийского края с 1890 по 1913 год

Год	Высшее юридическое образование				Итого высшее юридическое образование		Низшее и среднее образование		ИТОГО	
	Дерптский (Юрьевский) университет		Санкт-Петербургский университет							
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1890	18	53	2	6	20	59	14	41	34	100
1900	17	50	0	0	17	50	17	50	34	100
1913	4	12	0	0	4	12	30	88	34	100

Рассчитано по: [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

В соответствии с изменением этнического менялся и сословный состав корпуса председателей ВКС. Доля дворян снизилась в два раза — с 24 до 12%. Также в два раза сократилась доля духовенства — с 6 до 3%. Доля мещан уменьшилась в 3 раза — до 9%. Напротив, в рассматриваемый период значительно — с 29 до 71% — выросла доля крестьян, они стали большинством в корпусе председателей ВКС. В совокупности представители податных сословий — крестьян и мещан — среди них к 1913 г. составляли 80%.

В части динамики образовательного уровня мы видим ярко выраженную тенденцию депрофессионализации должности председателя ВКС. В этом корпусе почти в три раза снизилась доля профессиональных юристов — выпускников университета (по большей части юридического факультета Юрьевского университета) — с 59% в 1890 г. до 12% в 1913 г. При этом более чем в два раза — с 41 до 88% — увеличилась доля председателей со средним и низшим образованием — выпускников губернских, уездных, городских училищ и гимназий, учительских и духовных семинарий.

В целом динамика состава корпуса председателей верхних крестьянских судов выразилась в их «коренизации» в этническом отношении (существенное увеличение пред-

ставительства латышей и эстонцев), демократизации в социальном плане (окрестьянивание) и депрофессионализации — снижении образовательного уровня, радикальном уменьшении доли дипломированных юристов. Важно отметить, что большая часть этих взаимосвязанных изменений произошла после 1900 г., во второй фазе рассматриваемого периода. В начале XX века должности председателей ВКС по большей части перешли к выходцам из коренного большинства края — латышского и эстонского крестьянства, но пока еще не тем немногим из них, кто получил высшее образование юридического профиля. Отсутствие юридического образования ставило барьер дальнейшей судебной карьере председателей ВКС и, в частности, назначению их мировыми судьями.

Отказ в назначении мировым судьей председателя ВКС с высшим юридическим образованием мог мотивироваться местным происхождением. Так, председатель Второго Веросского ВКС М. Таевере, из эстонских крестьян Феллинского уезда, выпускник юридического факультета Юрьевского университета, в 1915 г. ходатайствовал о назначении его мировым судьей. Но старший председатель Петроградской СП отказал ему в этом, мотивировав именно его национальностью: «не признаю возможным представлять его, принадлежащего к одной из враждующих национальностей края, на ответственную должность Мирового Судьи в этот край, особенно ввиду достаточного количества удовлетворительных кандидатов русской национальности, ищущих назначений в Балтийские губернии». Вместе с тем председатель палаты, учитывая, что «Таевере принадлежит к числу весьма знающих и ценных работников», был готов предложить ему должность мирового судьи «вне пределов Балтийского края, где он мог бы стать полезным судебным деятелем» [36, л. 22—23].

Тем не менее уже имелись редкие примеры судебных карьер представителей коренного большинства края с высшим юридическим образованием, которые после службы в должности председателя ВКС получили назначение мировыми судьями в системе юстиции края. Так, выходец из Курляндской губернии латыш-лютеранин К. Вильманс в 1890 г. закончил юридический факультет Дерптского университета и, отслужив несколько лет на канцелярских должностях при Митавском окружном суде, в 1895 г. был назначен председателем ВКС в родном для него Добленском (Митавском) уезде Курляндской губернии. При представлении кандидатуры К. Вильманса министру юстиции председатель мирового съезда особо отметил, что кроме наличия профессиональных знаний и умений претендент владеет латышским и немецким языками. Знание местных и государственного русского языка было квалификационным требованием для председателей ВКС. Десять лет Вильманс отслужил в этой должности. Далее он продолжил свое восхождение по судебской карьерной лестнице вне родного края: с 1905 по 1912 г. служил городским судьей в Витебской губернии. Наконец, в 1912 г. Вильманс вернулся в Прибалтику, получив назначение на должность мирового судьи в уездном городе Гольдингене Курляндской губернии [29, л. 1—76]. Опыт и репутация, полученные К. Вильмансом на судебных должностях в имперской юстиции, позволили ему продолжить карьеру уже в независимой Латвии: с 1920 по 1924 г. он занимал должность члена Лиепайского окружного суда [48].

Для некоторых председателей ВКС, которые накопили опыт и заслужили авторитет у местного населения в имперский период, дальнейшая карьера на повышение открылась после февральской революции 1917 г. Так, сход выборных в Раппеле Эстляндской губернии ходатайствовал в июне 1917 г. о назначении председателя Раппельского ВКС Фридриха Реннинга мировым судьей, который «основательно знает житее бытие местного края и народа, долго практиковался в судебных учреждениях и в этой должности сделался народу известным как правдивый судья и кроме русского языка основательно знает язык местного эстонского народа» [34, л. 1—54]. Уже упомянутый председатель

Второго Веросского ВКС в сентябре 1917 г. на основании ходатайства съезда судей округа и Юрьевской уездной земской управы был назначен мировым судьей. В ходатайстве управы, в частности, отмечалось: «от имени всего населения Юрьевского уезда просим назначения Мартина Яновича Таевере, состоящего продолжительное время в судебном ведомстве и знающего местные языки; этого требуют интересы правосудия и принципы обновления России на новых началах» [36, л. 26—29].

Следует иметь в виду, что включение волостных судов в систему судебного ведомства, их курирование председателями ВКС и председателями мировых съездов как судьями, находящимися в системе имперской судебной иерархии, постепенно трансформировало по факту этот прежде исключительно крестьянский институт из сословного в общегражданский. Так, по результатам ревизии 1896 г. Ревельско-Гапсальского мирового округа в Эстляндской губернии ревизор отмечал рост доверия среди населения и к мировым, и к волостным судам. При этом в волостных судах в качестве одной из сторон — причем не только в качестве истца, но и в качестве ответчика — участвовали неподведомственные им лица некрестьянских сословий. Раньше, отмечал ревизор, таких дел в волостных судах, где ответчиками выступали бы представители некрестьянских сословий, вообще не было, теперь же их доля достигает 6 и более процентов [22, л. 16—17]. Превращение волостных судов в общегражданские являлось во многом следствием их поднадзорности судебному, а не административному ведомству. Стандарты общегражданской мировой юстиции постепенно распространялись и на волостную юстицию. При этом волостные судьи были исключительно представителями коренного населения, и в волостных судах использовались местные языки. С учетом этого можно сказать, что «нижний этаж» становящейся все более единой по стандартам местной юстиции и в кадровом, и в языковом отношении был полностью «коренизированным».

Помимо собственно судебных кадров следует уделить внимание периферии местной юстиции, без которой ее функционирование было бы невозможно. Сюда можно отнести официальных (присяжные и частные поверенные) и неофициальных адвокатов при мировых участках и съездах, секретарей крепостных отделений, разного рода канцелярских служащих, переводчиков. Важно отметить, что люди, занимающие эти позиции, обеспечивали взаимодействие местных сообществ с коронной юстицией в крае. В формальном и неформальном плане они были необходимыми посредниками, промежуточной средой, определяющей во многом пути, «интерфейс» и эффективность взаимной коммуникации. Естественно, что эту нишу периферии судебной системы занимали в основном выходцы из местных этносоциальных сообществ — немецких, латышских, эстонских. Преимущественно русские мировые судьи и председатели съездов, по большей части прибывшие в край из центральных губерний, в своей повседневной профессиональной деятельности были «погружены» в плотную околосудебную среду выходцев из местных сообществ. Значимость этой периферийной среды местной юстиции особенно возростала с учетом сохранения в крае местного гражданского права и его практик.

Особенно значимой была должность секретаря крепостного отделения при мировом съезде. Функции и практики работы крепостного отделения определялись исторически сложившейся в Прибалтийском крае системой регистрации и учета недвижимости, сделок с ней и наследования. Крепостные отделения, их приемы ведения городских и сельских реестров недвижимости были в наибольшей степени преемственно связаны с соответствующими институтами и практиками дореформенной юстиции края, которая контролировалась немецкой элитой. Поэтому не случайно должности секретарей крепостных отделений занимали в основном немцы — выпускники Дерптского университета с юридическим дипломом, многие из которых имели опыт работы в дореформен-

ных судебных учреждениях. В 1890 г. из 13 секретарей крепостных отделений 12 были немцами и 1 русский. Все они, включая и русского секретаря А. В. Шелухина, являлись выпускниками Дерптского университета. Среди немцев-секретарей были бывшие члены и секретари дореформенных магистратов, уездных и обер-гауптманских судов, обер-ландгерихтов. В 1913 г. этнический состав секретарей крепостных отделений стал более разнообразным, монополия немцев несколько сократилась: из 13 позиций 8 занимали немцы, 3 — русские, 1 — эстонец, 1 — поляк. Количество выпускников Дерптского (Юрьевского) университета среди секретарей крепостных отделений также сократилось до 8 человек [42, с. 152—178; 43, с. 145—202; 44, с. 47—105].

Надо иметь в виду, что должность секретаря крепостного отделения была высокодоходной. Этот служащий, получая оклад в размере 1200 руб. в год, зарабатывал дополнительно от 6 до 15 тыс. за исполнение нотариальных функций [10; 11]. Отслеживание и контроль всех транзакций по недвижимости, владение особыми, основанными во многом на местной правовой традиции практиками ведения реестров и регистрации сделок, связь этой деятельности с собственно судебными процессами делали секретаря крепостного отделения очень влиятельной фигурой в местной юстиции и во всем городском или сельском сообществе. Деятельность председателя съезда и судей мирового округа во многом зависела от секретаря крепостного отделения. Не случайно представители немецких общин края стремились сохранить контроль над этой должностной позицией.

Канцеляристы по большей части были местными уроженцами. Находясь формально в статусе обслуживающей периферии судебного дела, они по факту приобретали большое влияние. С одной стороны, они хорошо знали внутреннюю «кухню» судопроизводства, имели доступ ко всей документации, постепенно приобретали большой опыт участия в судебных процессах. С другой стороны, как уроженцы края, они имели множество связей с местными сообществами, хорошо знали их быт и практики гражданских отношений. Эти факторы, а также владение (письменное и устное) несколькими языками (латышским или эстонским, немецким, русским) делало их незаменимыми в процессах коммуникации между, с одной стороны, коронными мировыми судьями и, с другой стороны, местными адвокатами, доверенными лицами, участниками судебных процессов и вообще членами местных сообществ.

В 1910 г. в Министерство юстиции поступила жалоба на мирового судью 9-го участка Риги и его канцеляриста (письмоводителя). Канцелярист Венцлав на тот момент уже 12 лет служил в своей должности. В жалобе говорилось, что Венцлав, «хорошо знакомый с местным людом», с ведома и согласия мирового судьи содержал при судейской камере «кабинет», где принимал просителей по текущим и будущим судебным делам, консультировал их, рекомендовал подходящих адвокатов [28, л. 201—219 об.]. Подобные практики посредничества канцеляристов из местных уроженцев и их влияние на судебные процессы были широко распространены.

Газета «Рижский вестник» в 1910 г. назвала канцеляристов «ахиллесовой пятой мировой юстиции Прибалтийского края». Помимо собственно канцелярских функций они нередко выполняли обязанности, формально возложенные на мировых судей: в силу занятости судьи предоставляли канцеляристам доступ к участникам процессов, делам и вещественным доказательствам. «Это вынужденное доверие, — констатировал корреспондент, — ставит мирового судью в нравственную зависимость от вольнонаемного писца, нередко создавая совершенно ненормальное положение. Чувствуя себя по закону ответственным, а вместе с тем сознавая, что фактическое заведывание делопроизводством и делами находится в руках писца, мировой судья ко многому должен относиться снисходительно» [11]. Хотя газета негативно оценивала по факту очень значимую роль

канцеляристов, их посредничество между судебным институтом и окружающим сообществом было необходимым элементом функционирования внедренной извне имперской местной юстиции.

В 1912 г. в своей передовой статье газета «Юрьевский листок» сетовала на «недостаток русских служащих в Прибалтийском крае». Русские из центральных губерний неохотно идут служить в этот регион. Среди местных русских недостаточно лиц с необходимым образованием для занятия чиновных должностей. Газета признает, что высшие посты в крае занимают выходцы из русских губерний, но «низшие и средние должности» заняты почти исключительно местными уроженцами. И это стало нормальным. При этом многие служащие, представляющие коренные сообщества, жаловалась газета, «более нежные чувства питают к своей особой родине, а не к великому общему отечеству» [14].

Еще один исключительно важный для взаимодействия с полиэтническим сообществом посреднический «слой» вокруг коронного местного суда — адвокаты, как легальные, так и нелегальные. По свидетельству мирового судьи и общественного деятеля А. А. Башмакова, открытие новых судов в Прибалтийском крае и даже назначение русских судей не вызвало значительного притока сюда юристов из внутренних губерний: «пустить корни в Прибалтийском крае лицу, являющемуся на собственный риск, дело нелегкое, требующее особой подготовки и сведений, приобретение коих в России довольно затруднительно». Напротив, значимым «капиталом» балтийских юристов было то, что они хорошо знали местное гражданское право, которое действовало в крае и на основании которого решались дела в институтах мировой и общей юстиции. Как следствие, официальной адвокатской деятельностью занимались в основном выходцы из местных сообществ края [4, с. 34—35].

В уже упомянутом обращении к министру юстиции В. И. Роберг сообщал, что одной из причин некоторого охлаждения первоначального энтузиазма местного населения к новым судам было преобладание среди присяжных поверенных остзейцев: «адвокаты-немцы имеют монополию, петербургские присяжные поверенные к ведению дел не допускаются». Немцы-адвокаты коренному населению — «не друзья». Количество представителей эстонцев и латышей, по свидетельству Роберга, все увеличивается в последние годы среди частных поверенных, но им пока не хватает квалификации и опыта — «в большинстве это молодые, неопытные и вовсе несведущие люди, вербованные из бывших писарей мировых судей и волостных правлений». Потому, делает вывод публицист, «коренное население края не лучше прежнего лишено представительства в суде». Один из результатов этого — «огромное количество процессов о выселении помещиками крестьян с их насиженных мест — обычно эти процессы решаются в пользу помещиков и приводят к разорению крестьян». Подсудимых по уголовным делам местные пока малоопытные и часто не очень хорошо знающие русский язык частные адвокаты защищают слабо [25, л. 1—2 об.].

Постепенно корпус адвокатов становился более разнообразным по национальной принадлежности, особенно в крупных городах региона. Среди них стало больше латышей, эстонцев, местных и недавно прибывших в край русских. Росла квалификация, опытность адвокатов — выходцев из коренного населения. Рижский мировой судья В. А. Беттихер в 1910 г. сообщал: «так как я почти всех адвокатов в Риге знаю, то рекомендую просителям по их национальности и соответственного адвоката». Тем самым адвокат той или иной национальности выступал в роли своего рода медиатора (в языковом, смысловом и организационном отношении) между своим национальным сообществом и имперским судом [28, л. 201—219 об.].

Кроме легальных присяжных и частных адвокатов вокруг мировых судов возникали сети нелегальных адвокатов, «ходатаев по делам». Ходатаи из числа местных уроженцев хорошо знали локальный контекст дел, особенности регионального права, говорили с клиентами на их языке. Те же из них, кто были выходцами из внутренних и западных губерний, отличались знакомством с практикой пореформенного судопроизводства и свободным владением русским языком, основным в новых судах [15, с. 3]. Тем самым местные и неместные, легальные и нелегальные поверенные были важной составной частью взаимной двусторонней адаптации имперской юстиции и местных сообществ.

В таблице 9 на основании данных переписи 1897 г. показан уровень представительства этнических групп Прибалтийского края в сфере частной юридической деятельности (нотариусы, присяжные и частные поверенные и служащие их контор). Для наглядности и сопоставления использован индекс представительства (далее — ИП)¹.

Таблица 9

Представительство этнических групп в сфере частной юридической деятельности прибалтийских губерний, 1897 г.

Этнические группы	Занятые		Лифляндская	Эстляндская	Курляндская	Край в целом
Латыши	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	50	0	43	93
		%	18	0	32	20
		ИП	0,4	0	0,4	0,4
	Все занятые	N	242458	351	196189	438998
%		44	0,2	74	45	
Эстонцы	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	27	20	0	47
		%	10	34	0	10
		ИП	0,3	0,4	0	0,3
	Все занятые	N	202627	132543	471	335641
%		36	85	0	34	
Немцы	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	112	29	63	204
		%	41	50	47	44
		ИП	5,0	10,7	5,9	5,8
	Все занятые	N	45789	7289	21221	74299
%		8	5	8	8	
Русские	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	40	6	7	53
		%	15	10	5	11
		ИП	2,1	1,4	1,1	1,8
	Все занятые	N	38213	11442	13212	62867
%		7	7	5	6	
Евреи	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	2	0	5	7
		%	1	0	4	2
		ИП	0,4	0,0	0,8	0,6
	Все занятые	N	10444	726	13111	24281
%		2	0	5	2	
Поляки	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	31	1	13	45
		%	11	2	10	10
		ИП	7,3	3,0	3,4	5,5
	Все занятые	N	8728	899	7732	17359
%		2	1	3	2	

¹ Индекс вычисляется делением процентной доли представителей той или иной этнической группы в исследуемой отрасли занятости (в данном случае — юридической деятельности) на процентную долю представителей этой группы среди всех занятых. Индекс дает сводную количественную оценку, где 1,0 обозначает пропорциональное представительство, более 1,0 — избыточное представительство, а менее 1,0 — недостаточное представительство.

Этнические группы	Занятые	Лифляндская				Эстляндская		Курляндская		Край в целом
		N	%	ИП	N	%	N	%		
Другие	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	9		2		2		13	
		%	3		3		2		3	
		ИП	2,5		1,8		0,3		2,0	
	Все население	N	7501		2917		13798		12633	
%		1		2		5		1		
ИТОГО	Занятые в сфере частной юридической деятельности	N	271		58		133		462	
		%	100		100		100		100	
		ИП	1,0		1,0		1,0		1,0	
	Все население	N	555760		156167		265734		977661	
%		100		100		100		100		

Рассчитано по: [17, с. 146—149; 18, с. 148—151; 19, с. 82—89].

Как видно из таблицы, немцы были в высокой степени избыточно представлены в частной юридической сфере: в среднем по региону более чем в 5 раз превышая пропорциональный уровень представительства (около 8% среди всех занятых при примерно 44% среди занятых в частной юридической сфере; ИП = 5,8). Особенно значительным превышением пропорционального представительства немцев было в Эстляндской губернии (ИП = 10,7). Ограниченный доступ немцев в пореформенную юстицию отчасти компенсировался наряду с занятием позиций почетных судей также относительно очень высокой занятостью в частной юридической сфере. В сравнении с немцами представительство русских в частной юридической сфере было незначительно выше пропорционального (по региону ИП = 1,8). В Курляндской губернии оно было близко к пропорциональному (ИП = 1,1). Представительство коренных народов края — латышей и эстонцев — было ниже пропорционального, но довольно внушительное (ИП = 0,3—0,4). В начале XX века по мере увеличения числа лиц с юридическим образованием и доли горожан среди коренного населения края их участие в юридической сфере увеличивалось.

Сопоставим представительство этнических групп в частной юридической сфере с представительством в сфере государственного управления в целом — администрации, суда и полиции — по данным переписи 1897 г. (в публикации материалов переписи даны суммированные данные по этим трем отраслям управления). Как видно из таблицы 10, представительство в сфере государственного управления коренного большинства края — латышей и эстонцев — было ниже пропорционального в два раза (по региону в целом ИП = 0,5 в обоих случаях). Представительство в управлении латышей и эстонцев несколько выше, чем в частной юридической отрасли. Представительство немцев в сфере государственного управления губерний края более чем в два раза выше пропорционального и существенно ниже их представительства в частной юридической сфере. Представительство русских в сфере государственного управления края почти в четыре раза выше пропорционального, в два раза превышая их представительство в частной юридической сфере.

Оценить в целом степень востребованности и доступности пореформенной имперской мировой юстиции в прибалтийских губерниях позволяют данные о количестве гражданских дел, поступивших и рассмотренных в мировых судах края (табл. 11).

Как следует из данных таблицы 11, за полтора десятилетия — с 1897 по 1913 г. — прирост показателя судебной активности в мировых судах (количество гражданских исков на 1 тыс. человек) составил в Эстляндской губернии 73,8%, Лифляндской — 66%, Курляндской — 19,6%. В целом по Прибалтийскому краю прирост судебной активности

составил 52,4%. Эти темпы прироста судебной активности населения и соответственно востребованности мировых судов — одни из самых высоких в империи [6, с. 101—104].

Таблица 10

Представительство этнических групп в сфере администрации, суда и полиции
 прибалтийских губерний, 1897 г.

Этнические группы	Занятые		Лифляндская	Эстляндская	Курляндская	Край в целом
Латыши	Администрация, суд, полиция	N	530	9	935	1474
		%	16	1	45	22
		ИП	0,4	3,1	0,6	0,5
	Все занятые	N	242458	351	196189	438998
		%	44	0,2	74	45
Эстонцы	Администрация, суд, полиция	N	497	676	5	1178
		%	15	52	0	18
		ИП	0,4	0,6	1,4	0,5
	Все	N	202627	132543	471	335641
		%	36	85	0	34
Немцы	Администрация, суд, полиция	N	605	178	399	1182
		%	18	14	19	18
		ИП	2,2	3,0	2,4	2,3
	Все	N	45789	7289	21221	74299
		%	8	5	8	8
Русские	Администрация, суд, полиция	N	960	359	360	1679
		%	29	28	17	25
		ИП	4,2	3,8	3,5	3,9
	Все	N	38213	11442	13212	62867
		%	7	7	5	6
Евреи	Администрация, суд, полиция	N	4	2	10	16
		%	0	0	0	0
		ИП	0,1	0,3	0,1	0,1
	Все	N	10444	726	13111	24281
		%	2	0	5	2
Поляки	Администрация, суд, полиция	N	460	42	192	694
		%	14	3	9	10
		ИП	8,8	5,7	3,2	5,8
	Все	N	8728	899	7732	17359
		%	2	1	3	2
Литовцы	Администрация, суд, полиция	N	227	0	137	364
		%	7	0	7	5
		ИП	9,0	0	2,4	4,6
	Все	N	4218	0	7365	11583
		%	1	0	3	1
Другие	Администрация, суд, полиция	N	48	23	34	105
		%	1	2	2	2
		ИП	2,4	1,0	0,7	1,2
	Все	N	3283	2917	6433	12633
		%	1	2	2	1
ИТОГО	Администрация, суд, полиция	N	3331	1289	2072	6692
		%	100	100	100	100
		ИП	1,0	1,0	1,0	1,0
	Все	N	555760	156167	265734	977661
		%	100	100	100	100

Рассчитано по: [17, с. 146—149; 18, с. 148—151; 19, с. 82—89].

Динамика количества поступивших в мировые суды прибалтийских губерний гражданских дел в расчете на 1 тыс. чел., 1897—1913 годы

Губерния	Год		
	1897	1909	1913
Лифляндская	22,7	30,9	37,7
Эстляндская	12,6	19,1	21,9
Курляндская	23,0	24,9	27,5
Прибалтийский край в целом	21,0	27,1	32,0

Составлено по: [6, с. 101—104].

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что понятие «русификация» не характеризует всех тенденций, которые одновременно проявились в течение четверти века существования пореформенной юстиции Прибалтийского края, в том числе мировой. Правовая основа судебной деятельности была гибридной, сочетая общеимперское уголовное и региональное — балтийское — гражданское право. Гибридность характеризовались и судебно-процедурные нормы. В кадровом отношении одновременно осуществлялись разнонаправленные тенденции. Новое сочеталось с инерцией прошлого. Местная юстиция в целом становилась более полиэтничной, но в разных ее частях преобладали представители различных этнических групп. Среди председателей мировых съездов и участковых судей преобладали присланные извне в регион русские судьи. В то же время на протяжении всего рассматриваемого периода среди этой части корпуса мировых судей сохранялось некоторое представительство немцев и в существенно меньшей степени — коренных народов края. Среди этой части корпуса местной юстиции постепенно увеличивалась и без того большая доля профессиональных юристов и одновременно демократизировался ее социальный состав. Среди влиятельного в крае корпуса почетных судей доминировали немцы, представители сельских и городских элит края. Но постепенно состав корпуса почетных судей становился более разнообразным. Среди председателей верхних крестьянских судов, непосредственно контролирующей самую массовую часть местной юстиции — волостные суды, постепенно усиливалось представительство эстонцев и латышей. Одновременно это означало демократизацию кадрового состава этой служебной позиции. В околосудебной сфере (секретари крепостных отделений, канцеляристы, переводчики, присяжные и частные адвокаты, приставы и пр.) преобладали выходцы из местных сообществ — немцев, эстонцев и латышей. Как мы показали, не следует недооценивать влияние этой периферии на судебные процессы и вообще коммуникацию между имперским институтом и сообществами, их взаимную адаптацию. Русские мировые судьи были плотно погружены в местное сообщество и периферию судебной системы.

Таким образом, в судебной и околосудебной сфере кадровая русификация сочеталась с сохранением немецкого сословно-элитного влияния и процессами постепенной латышской и эстонской коренизации институтов имперской юстиции — начиная с нижних, средних и периферийных служебных позиций. Пореформенные институты, с одной стороны, частично унаследовали региональное этносословное разделение, с другой — открыли пути для его преодоления. Формирование профессиональной государственной бюрократии и развитие образования создавали для представителей прежде незлитных групп более широкие возможности для служебного продвижения.

Как показало исследование служебных биографий судей, этнические линии не всегда совпадали с предполагаемыми установками в части преимущественной лояльности —

империи или своему сообществу. В частности, среди русских судей, от которых ожидалось наиболее последовательное и твердое служение делу империи на окраине и осуществление русификаторской миссии, были те, кто видел свою основную роль главным образом в поддержке коренного населения края. Некоторые близко сходились с элитными немецкими кругами, испытывали влияние корпуса почетных судей. В то же время часть судебных деятелей-немцев, латышей и эстонцев отдавала приоритет имперской службе, а не реализации интересов собственных этносословных сообществ. Были также те, кто стремился совмещать имперскую лояльность с интересами своего этносословного и/или регионального сообщества.

Кроме того, поверх этнических границ формировалась корпоративная идентичность с ценностями профессионализма, судебной независимости (ни от административных властей, ни от собственной ведомственной вертикали), приоритетом служения своему делу, праву и закону, миссией охраны личностных и имущественных прав. Это был фактор, сблизивший судей и иных участников правового процесса разного этноконфессионального, социального и территориального происхождения. Профессиональный и социальный капитал, накопленный судебными деятелями Прибалтийского края в рамках институтов юстиции Российской империи, позволил многим из них продолжить карьеру в постимперский период в судебной системе новых государств.

Список источников

1. Адрес-календарь Курляндской губернии. Митава : Курляндский губернский статистический комитет, 1913. XVI, 189 с.
2. Адрес-календарь Эстляндской губернии на 1914 год. Ревель : Эстляндский губернский статистический комитет, 1913. XXXII, 212, 108, 104 с.
3. Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб. : Мирь, 2008. 309 с.
4. Башмаков А. Балтийские преобразования и мировой институт // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. № 6. С. 14—46.
5. Булацель П. Упразднение русского языка в прибалтийских судах (по поводу реформы проекта судоговорения, поданного 16-ю присяжными поверенными в Ревельско-Гапсальский мировой съезд) // Юридическая газета. 1900. № 57. С. 2—3.
6. Верняев И. И. Историческая динамика судебной интеграции Российской империи. СПб. : С.-Петербургский гос. ун-т, 2021. 396 с.
7. Вильгельм фон Бульмеринг. Воспоминания. Перевод с немецкого В. Дорошенко // Даугава : литературно-художественный и публицистический журнал. 1995. № 4. С. 132—160.
8. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Ч. 1. СПб. : Государственная типография, 1910. XVI с., 3796 стб.
9. Десятилетие Ревельского окружного суда, 1889—1899 // Ревельские известия: газета местных интересов, литературная и политическая. 1889. 14 дек. С. 1—2.
10. Забытые Государственной Думою судебные деятели. Начало // Рижский вестник. 1910. 5 янв.
11. Забытые Государственной Думою судебные деятели. Продолжение // Рижский вестник. 1910. 7 янв.
12. Зайончковский П. А. Судебные и административные преобразования в Прибалтике // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков : сб. статей / отв. ред. Н. Г. Сладкевич. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 34—47.
13. И. В. Ф. Торжество русского дела в Прибалтийской окраине (объясняемое успехами судебной реформы в крае) // Судебная газета. 1895. 29 окт. С. 2—6.
14. К вопросу о недостатке русских служащих в Прибалтийском крае // Юрьевский листок. 1912. 20 окт.
15. М. Р. Прибалтийские адвокаты и переводчики. Юрьев // Новое время. 1895. 25 июня (№ 6927).
16. Мировой судья Н. Г. Шефер // Рижский вестник. 1892. 9 янв.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Кн. 21. Лифляндская губерния. СПб. : ЦСК МВД, 1905. XVI, 229 с.

18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Кн. 19. Курляндская губерния. СПб. : ЦСК МВД, 1905. XVIII, 233 с.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Кн. 49. Эстляндская губерния. СПб. : ЦСК МВД, 1905. XVIII, 125 с.
20. Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в прибалтийских губерниях и правила о приведении означенных положений в действие / сост. А. Гасман, А. Нолькен. СПб. : Министерство юстиции, 1889. 728 с.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 515. Д. 205.
22. РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 247.
23. РГИА. Ф. 1405. Оп. 524. Д. 328.
24. РГИА. Ф. 1405. Оп. 526. Д. 1658.
25. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 236.
26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 237.
27. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 533.
28. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1095.
29. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2148.
30. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 27836.
31. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6230.
32. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 7649.
33. РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 8904.
34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 11184.
35. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 11238.
36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 13144.
37. РГИА. Ф. 1406. Оп. 545. Д. 15189.
38. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 15240.
39. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 15395.
40. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17152.
41. Списки кандидатов на должности мировых судей и председателей их съездов // Эстляндские губернские ведомости. 1889. 21 сент. (№ 36). С. 166—167.
42. Список чинам Министерства юстиции 1890 года. Часть 3. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1890.
43. Список чинам Министерства юстиции 1900 года. СПб. : Сенатская тип., 1900.
44. Список чинам Министерства юстиции 1913 года. СПб. : Сенатская тип., 1913.
45. Brüggemann K. Representing Empire, Performing Nation?: Russian Officials in the Baltic Provinces (Late Nineteenth / Early Twentieth Centuries) // *Ab imperio*. 2014. N 3. P. 231—266.
46. Hagen M. Russification Via “Democratization”? Civil Service in the Baltic after 1905 // *Journal of Baltic Studies*. 1978. Vol. 9, N 1. P. 56—66.
47. Haltzel M. H. The Baltic Germans // *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914* / ed. by E. C. Thaden. Princeton : Princeton University Press, 1981. P. 109—204.
48. Konstantins Jūliuss Vilhelms Vilmans // *Time&Note*. Международная энциклопедия. URL: <https://timenote.info/ru/person/view?id=11639910> (дата обращения: 03.09.2022).
49. Mironov B. N. The Policy of Russifying in Late Imperial Russia and its Failure // *Russian History*. 2019. N 46. P. 84—101. DOI: 10.1163/18763316-04601004.
50. Plakans A. The Latvians // *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914* / ed. by E. C. Thaden. Princeton : Princeton University Press, 1981. P. 205—284.
51. Raun T. U. The Estonians // *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914* / ed. by E. C. Thaden. Princeton : Princeton University Press, 1981. P. 285—354.
52. Woodworth B. Multi-ethnicity and Estonian Tsarist State Officials in Estland Province, 1881—1914 // *Russian Bureaucracy and the State. Officialdom from Alexander III to Putin* / ed. by D. K. Rowney and E. Huskey. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. P. 72—88.

References

1. *Adres-kalendar' Kurlyandskoi gubernii* [Address-calendar of Courland province]. Mitava, Kurlyandskii gubernskii statisticheskii komitet Publ., 1913. XVI, 189 p. (In Russian)
2. *Adres-kalendar' Estlyandskoi gubernii na 1914 god* [Address-calendar of the Estland province for 1914]. Revel, Estlyandskii gubernskii statisticheskii komitet Publ., 1913. XXXII, 212, 108, 104 p. (In Russian)

3. Andreeva N. S. *Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX v.* [Baltic Germans and Russian government policy at the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, Mir'' Publ., 2008. 309 p. (In Russian)
4. Bashmakov A. Baltiiskie preobrazovaniya i mirovoi institut [Baltic transformations and the global institution]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*, 1892, no. 6, pp. 14—46. (In Russian)
5. Bulatsel' P. Uprazhnenie russkogo yazyka v pribaltiiskikh sudakh (po povodu reformy proekta sudogovoreniya, podannogo 16-yu prisyazhnymi poverennymi v Revel'sko-Gapsal'skii mirovoi s''ezd) [The abolition of the Russian language in the Baltic courts (on the reform of the draft jurisprudence submitted by 16 attorneys at law to the Revel-Haapsalu world congress)]. *Yuridicheskaya gazeta*, 1900, no. 57, pp. 2—3. (In Russian)
6. Vernyaev I. I. *Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii* [Historical Dynamics of Judicial-Legal Integration of the Russian Empire]. St. Petersburg, S.-Peterburgskii gos. un-t Publ., 2021. 396 p. (In Russian)
7. Vil'gel'm fon Bul'mering. Vospominaniya. Perevod s nemetskogo V. Doroshenko [Wilhelm von Bulmering. Memories. Translation from German by V. Doroshenko]. *Daugava, literaturno-khudozhestvennyi i publitsisticheskii zhurnal*, 1995, no. 4, pp. 132—160. (In Russian)
8. *Gosudarstvennaya Duma. Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. 1909 g. Sessiya tret'ya. Ch. 1* [The State Duma. Third convocation. Verbatim reports. 1909. Session three. Part 1]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1910. XVI p., 3796 stb. (In Russian)
9. Desyatiletie Revel'skogo okruzhnogo suda, 1889—1899 [Decade of the Revel District Court, 1889—1899]. *Revel'skie izvestiya: gazeta mestnykh interesov, literaturnaya i politicheskaya*, 1889. Dec. 14 (no. 279), pp. 1—2. (In Russian)
10. Zabytye Gosudarstvennoi Dumoyu sudebnye deyateli. Nachalo [Judicial figures forgotten by the State Duma. Start]. *Rizhskii vestnik*, 1910. Jan. 5. (In Russian)
11. Zabytye Gosudarstvennoi Dumoyu sudebnye deyateli. Prodolzhenie [Judicial figures forgotten by the State Duma. Continuation]. *Rizhskii vestnik*, 1910. Jan. 7. (In Russian)
12. Zaionchkovskii P. A. Sudebnye i administrativnye preobrazovaniya v Pribaltike [Judicial and administrative reforms in the Baltics]. *Problemy obshchestvennoi mysli i ekonomicheskaya politika Rossii XIX—XX vekov: sb. statei* [Problems of social thought and economic policy of Russia in the 19th—20th centuries. Collect. of articles]. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1972, pp. 34—47. (In Russian)
13. I. V. F. Torzhestvo russkogo dela v Pribaltiiskoi okraine (ob''yasnyayemoe uspekhami sudebnoi reformy v krae) [The triumph of the Russian cause in the Baltic outskirts (explained by the success of the judicial reform in the region)]. *Sudebnaya gazeta*, 1895. Oct. 29 (no. 44), pp. 2—6. (In Russian)
14. K voprosu o nedostatke russkikh sluzhashchikh v Pribaltiiskom krae [To the question of the lack of Russian employees in the Baltic region]. *Yur'evskii listok*, 1912. Oct. 20. (In Russian)
15. M. R. Pribaltiiskie advokaty i perevodchiki. Yur'ev [Baltic lawyers and translators. Yuriev]. *Novoe vremya*, 1895. June 25 (no. 6927). (In Russian)
16. Mirovoi sud'ya N. G. Shefer [Magistrate N. G. Schaefer]. *Rizhskii vestnik*, 1892. Jan. 9. (In Russian)
17. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. Kn. 21. Lifyandskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Book 21. Livland province]. St. Petersburg, TsSK MVD Publ., 1905. XVI, 229 p. (In Russian)
18. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. Kn. 19. Kurlyandskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Book 19. Courland province]. St. Petersburg, TsSK MVD Publ., 1905. XVIII, 233 p. (In Russian)
19. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. Kn. 49. Estlyandskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Book 49. Estland province]. St. Petersburg, TsSK MVD Publ., 1905. XVIII, 125 p. (In Russian)
20. Gasman A., Nol'ken A. (comp.) *Polozheniya o preobrazovanii sudebnoi chasti i krest'yanskikh prisutstvennykh mest v pribaltiiskikh guberniyakh i pravila o privedenii oznachennykh polozhenii v deistvie* [Regulations on the transformation of the judiciary and peasant offices in the Baltic provinces and the rules for bringing the aforementioned provisions into effect]. St. Petersburg, Ministerstvo yustitsii Publ., 1889. 728 p. (In Russian)
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1405. Op. 515. D. 205.
22. RGIA. F. 1405. Op. 515. D. 247.
23. RGIA. F. 1405. Op. 524. D. 328.
24. RGIA. F. 1405. Op. 526. D. 1658.
25. RGIA. F. 1405. Op. 539. D. 236.

26. RGIA. F. 1405. Op. 539. D. 237.
27. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 533.
28. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 1095.
29. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 2148.
30. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 27836.
31. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 6230.
32. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 7649.
33. RGIA. F. 1405. Op. 544. D. 8904.
34. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 11184.
35. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 11238.
36. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 13144.
37. RGIA. F. 1406. Op. 545. D. 15189.
38. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 15240.
39. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 15395.
40. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 17152.
41. Spiski kandidatov na dolzhnosti mirovykh sudei i predsedatelei ikh s'ezdov [Lists of candidates for the positions of justices of the peace and chairmen of their congresses]. *Estlyandskie gubernskie vedomosti*, 1889. Sept. 21 (no. 36), pp. 166—167. (In Russian)
42. *Spisok chinam Ministerstva yustitsii 1890 goda. Chast' 3* [List of ranks of the Ministry of Justice in 1890. Part 3]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1890. (In Russian)
43. *Spisok chinam Ministerstva yustitsii 1900 goda* [List of ranks of the Ministry of Justice of 1900]. St. Petersburg, Senatskaya tip. Publ., 1900. (In Russian)
44. *Spisok chinam Ministerstva yustitsii 1913 goda* [List of ranks of the Ministry of Justice of 1913]. St. Petersburg, Senatskaya tip. Publ., 1913. (In Russian)
45. Brüggemann K. Representing Empire, Performing Nation?: Russian Officials in the Baltic Provinces (Late Nineteenth / Early Twentieth Centuries). *Ab imperio*, 2014, no. 3, pp. 231—266.
46. Hagen M. Russification Via “Democratization”? Civil Service in the Baltic after 1905. *Journal of Baltic Studies*, 1978, vol. 9, no. 1, pp. 56—66.
47. Haltzel M. H. The Baltic Germans. *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914*. Princeton, Princeton University Press, 1981, pp. 109—204.
48. Konstantīns Jūliuss Vilhelms Vilmans. *Time&Note. Международная энциклопедия*. Available at: <https://timenote.info/ru/person/view?id=11639910>. Accessed: 03.09.2022.
49. Mironov B. N. The Policy of Russifying in Late Imperial Russia and its Failure. *Russian History*, 2019, no. 46, pp. 84—101. DOI: 10.1163/18763316-04601004.
50. Plakans A. The Latvians. *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914*. Princeton, Princeton University Press, 1981, pp. 205—284.
51. Raun T. U. The Estonians. *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855—1914*. Princeton, Princeton University Press, 1981, pp. 285—354.
52. Woodworth B. Multi-ethnicity and Estonian Tsarist State Officials in Estland Province, 1881—1914. *Russian Bureaucracy and the State. Officialdom from Alexander III to Putin*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009, pp. 72—88.

Информация об авторе

И. И. Верняев — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

I. I. Verniaev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 20.02.2023